

*“Времена были
нескучные !..”*

2 том

Наталья Талина

18+

Наталья Галина

**"Времена были
нескучные!.." 2 том**

«Автор»

2020

Галина Н.

"Времена были нескучные!.." 2 том / Н. Галина — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-04403-6

Авторами книги являются Галина Фирсова и Наталья Змушко, объединившиеся под псевдонимом Наталья Галина. В этой книге продолжение удивительной истории жизни баронессы Ульрики Поссе, бабушки Наталии Николаевны Гончаровой – жены прославленного Пушкина. Повествование идёт на фоне картин конца XVIII-начала XIX века. В романе представлены живые портреты российских монархов и их окружения, жизнь фрейлин императорского двора в Петербурге, продолжение опасных и увлекательных приключений героев произведения. Сюжет, полный тайн и интриг, не оставит равнодушным читателя этого историко-авантюрного романа.

ISBN 978-5-532-04403-6

© Галина Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть 6. Ярополец	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	37
Часть 7. «Он был мой дражайший друг...»	39
Глава 1	39
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

*Посвящается Сергею Николаевичу Саттарову — яркой личности,
замечательному человеку, без которого не было бы этой книги*

Часть 6. Ярополец

*Я положил к твоей постели
Полузавядшие цветы,
И с лепестками помертвели
Мои усталые мечты.
Я нашептал моим левкоям
Об угасающей любви,
И ты к оплаканным покоем
Меня уж больше не зови.*

С. Есенин

Глава 1

Всю дорогу Ульрика находилась в забытии. Когда первый раз открыла глаза, Загряжского рядом уже не было. Рядом с каретой послышался его энергичный голос. «Неужели был этот жуткий разговор? — с внутренним содроганием подумала она. — Нет, это сон, просто страшный сон. Забыть, всё забыть...» И она, со стоном откинувшись на подушки, опять впала в странное состояние между нереальностью и явью. Позади остались горы, потянулись навевающие печаль равнины, тучи свинцовыми клубами нависли низко над землёй, накрапывал монотонный нескончаемый дождь. Они проезжали мимо каких-то неказистых домишек, чумазые мальчишки бежали за экипажем. Потом природа стала меняться: экипаж въехал под сень деревьев, покрытых золотым убором, опавшая листва шуршала под колесами кареты, цокали подковы пофыркивающих лошадей. Всё словно сквозь какую-то дымку. Пару раз Загряжский подъезжал к окну кареты, заглядывал внутрь, но Ульрика закрывала глаза, не в силах ни смотреть на него, ни, тем более, о чём-то разговаривать. Остановки на постоянных дворах тоже для неё были как бы через силу. Так в гнетущем молчании и проследовали весь путь. И одному, и другой трудно было начать разговор, да и Ульрика за дорогу совсем обессилела.

Впереди показалось имение Кариан. Вот и знакомые ворота усадьбы. Иван отдал приказание офицерам, и они, пришпорив лошадей, ускакали. Карета въехала за ворота и по подъездной аллее приблизилась к входу в господский дом. Загряжский, утихомирив переполошившуюся дворню, не ожидавшую приезда господ, помог Ульрике добраться до спальни и поручил заботам крепостных девушек, которые помогли снять и унесли верхнюю одежду. Затем, наказав ей отдыхать и набираться сил для дальнейшего пути до родового поместья, сказал, что должен отправиться в полк, посмотреть, как расквартированы драгуны, поцеловал жену в лоб и отбыл из усадьбы.

Ульрика сказала девушкам, чтобы они оставили её одну, полежала немного в тишине, прислушиваясь к толчкам ребенка внизу живота, встала, прошла мимо потрескивавших поле-ньев в камине и подошла к большому окну. За ним в парке у дома буйствовала осенняя листва: золотились и краснели всё ещё пышные клены, желтели лиственницы, выделялись яркими красками ягоды боярышника и рябин. По стволам сосен, легко взлетая с ветки на ветку, промчалась пара белок. Весело щебетала стая синичек возле приспособленной к стволу кормушки. «Вот она жизнь, — подумала загрустившая молодая женщина, — ещё совсем недавно зелене-ла свежестью эта листва, но вот наступили осенние дни, и зелень увяла, засохла, словно и не радовала глаз богатством зелёных оттенков. Так и я, кажется, совсем недавно, охваченная

бурей страстей, кинулась в них, не задумываясь, упиваясь неожиданно обретенным счастьем. Где оно? Что-то сломалось в отношениях с Йоханном и никак не хочет восстанавливаться».

Ульрика подошла к образам, висевшим в углу, и, отрешившись от всего, тяжело встав на колени, начала горячо молиться.

Тихонько вошла девушка с подносом, на котором была чашка с чаем и свежие пирожки на блюде, сразу же наполнившие своим ароматом воздух в комнате, и так же тихо удалилась, чтобы не помешать барыне.

Помолившись до самозабвения и только слегка пригубив чай, Ульрика легла в постель. Усталость взяла своё, и она сама не заметила, как забылась глубоким сном.

* * *

Проснулась она так же неожиданно, как и заснула. За окном было темно и тихо. Дождь перестал. На камине в подсвечнике горели свечи, отбрасывая на стены причудливые тени. Ульрика накинула на плечи шаль и вышла в гостиную.

— Барыне что-то угодно? Ужин подавать? — спросила миловидная девушка с чудесной русой косой ниже пояса, тут же кинувшаяся к хозяйке.

— Нет, милая, попозже, — рассеянно оглядываясь вокруг, ответила Ульрика, — мне бы хотелось пройтись к реке, подышать воздухом. Как зовут-то тебя?

— Катя.

Девушка вышла и быстро вернулась с верхней одеждой:

— Барыня разрешит мне сопровождать её? — застенчиво спросила она. — Темно, сыро, мало ли что? А барыня на сносях.

Ульрика не возражала.

Вот и знакомая аллея, по которой они с Йоханном, обнявшись, спускались к самой кромке берега. То же место, утки в надежде на корм дружно поплыли в их сторону, не видно чаек и нет дивной пары лебедей, которой она любовалась, находясь в объятиях любимого, и воспоминание о которой всегда согревало теплом её душу. Как всё изменилось с тех пор. Где тот порыв души и светлые надежды, столь горячо лелеемые в сердце? Куда-то ушла уверенность, и ощущение невосполнимой потери овладело ею. Когда же это произошло? Теперь уже и не вспомнишь. Не с кем поделиться, некому излить душу, не у кого спросить совета. Тоска. Постояв отрешённо у реки в состоянии отчаяния и растерянности, сопровождаемая Катей, Ульрика вернулась в дом.

* * *

Напрасно Ульрика весь вечер прождала мужа. Загряжский в имении так и не появился.

После бессонной ночи, еле держась на ногах, рано утром молодая женщина услышала залихватистый звон колокольчиков. Накинув редингот, она вышла на крыльцо и увидела целую кавалькаду из экипажей и сопровождающих их кавалеристов. Из первой берлины выпрыгнул Иван и, радостно улыбаясь, подбежал к ней и обнял. От неожиданности Ульрика долго не могла сказать ни слова и, наконец, произнесла:

— Как же так, Йоханн? Неужели нельзя было предупредить? Нужно же время, чтобы собраться. Ведь путь неблизкий.

— Дорогая моя, не волнуйся и не торопись. Выедем, когда ты будешь готова. Посмотри, какой замечательный конный поезд повезёт нас! Ты рада?!

Ульрика не отвечала, она в изумлении широко открытыми глазами взирала на происходящее: приподнятая суматоха, беготня дворни, бесшабашная удаль поведения Загряжского, будто начисто забывшего всю напряжённость их последних разговоров и ласково смотрящего

на неё, — всё это отдавало чем-то неестественным, наигранным и ещё больше пугало её. Но Иван как будто бы не замечал её состояния, он по-прежнему был радостен, подтрунивал над окружающими, шутил с офицерами, подчёркнуто с любовью и заботой обращался к жене:

— Фросенька, да перестань ты печалиться, ведь мы едем в моё родовое поместье, любимые мной с детства места, обживёшься, привыкнешь, познакомлю тебя с отцом, вы подружитесь, он у меня замечательный старик!

— С отцом?! Он живет в поместье?

— Да, и уже продолжительное время безвыездно, прихварывает.

— Ты мне никогда ничего не рассказывал о нём.

— Милая моя, дорога длинная, времени будет, хоть отбавляй, по дороге и расскажу. Он интереснейший человек. Ну, идём же в дом, передохну немного, и будем собираться.

К двум часам пополудни сборы закончились, кибитки были уложены, Загряжский бережно посадил укутанную Ульрику в первую берлину, сел рядом, и длинная вереница экипажей тронулась в путь.

Ехали, не торопясь, останавливались на каждом ямском дворе, отдыхали, меняли лошадей. Путь занял семь суток. Всю дорогу Загряжский был весел, остроумен, предупредителен. Ульрике он казался неестественно возбуждённым и даже взвинченным, но она решила, что это объяснимо после произошедшей размолвки. «Он переживает и чувствует себя виноватым», — думалось ей. В пути муж не давал ей скучать: развлекал её разговорами да разными байками и светскими сплетнями. Рассказал он и о своём отце: Александр Артемьевич был по-своему очень интересным человеком, известной в высших кругах личностью. Деятельный, энергичный, храбрый, он прошел славный путь российского военного. Участвовал в осаде Данцига, в русско-турецкую войну сражался при Азове, в Крымском походе участвовал во взятии Керчи и Перекопа, последней для него военной кампанией стала Семилетняя война. В 1758 году ушёл в отставку по состоянию здоровья в чине генерал-поручика, но и тут не осел праздным и бездеятельным, а стал опекуном петербургского Воспитательного дома. Всегда был в тёплых отношениях с Григорием Потёмкиным, свойственником, которого в молодости опекал и привечал. Ульрика сразу представила себе свёкра очень строгим и суровым человеком и заметно оробела. Как-то он её примет? А Иван, не обращая внимания на настроение жены, стал рассказывать о матушке своей, которая уже давно покинула этот мир, но оставила в сердцах детей самые нежные воспоминания. Ульрика почти всё, что ей поведал Загряжский, пропустила мимо ушей, не переставая думать о встрече со свёкром вплоть до показавшегося на горизонте Яропольца.

Глава 2

Долго, скучно и тревожно тянутся дождливые и мозглые сентябрьские вечера. У окна гостиной, подперев голову рукой, пригорюнившись, сидит хозяйка имения, Александра Степановна. Вот уже несколько месяцев нет вестей от горячо любимого мужа. Где он? Всё ли с ним в порядке? Ведь чай не на прогулку, а на Кавказ выведен его полк. Всякое может случиться, и лишь горячие ежедневные молитвы вселяют надежду на защиту и помощь Господа и Пресвятой Богородицы. От тревоги всё валится из рук. Вот не проконтролировала сама, и плохо обработали и приготовили к зиме растения в зимнем саду. Закрутилась с гувернёрами и учителями детей и совсем забыла написать письмо столичному антрепренёру о концертах крепостной танцевальной труппы зимой в Петербурге и оговорить цену. Труппу в своё время собрал и организовал тесть, о ней всегда заботится и беспокоится, будет спрашивать. Надо подняться к нему в спальню, поговорить со стариком, одиноко ему. Совсем занемог, сердечные приступы всё чаще и чаще. Вчера приходил управляющий ткацкой фабрикой, хотел поговорить о непростой ситуации в цехах. Времени вникнуть, совсем не было. Надо неотлагательно вернуться к этому вопросу и разобраться. А за всеми этими хлопотами одна боль, одна тревога: как там мой ненаглядный?

Дружной шаловливой стайкой в гостиную вбежали дети, опережая пытавшихся угомонить их гувернёров. «Совсем большими стали, — с любовью глядя на своих чад, подумала Александра Степановна, — старшенькому сыночку Сашеньке уже тринадцать лет (вылитый отец!), дочке Софье — семь, а самой младшенькой Катеньке, неугомонной забавнице и всеобщей любимице — уже шесть. Время — такая странная штука: то бежит неудержимо, а когда ждешь, вот как я сейчас, любимого человека и тревожишься, тянется как черепаха». Александра Степановна с нежностью приголубила детвору и ласково поглядела вслед убежавшим из гостиной детям.

Неожиданно издали послышался серебристый звон колокольчиков. Словно иглой укололи в сердце, оно ёкнуло, сжалось, в глазах блеснули слёзы: «Он!!!» Вскочила, кликнула сама не своя гувернёров, велела быстро одеть детей. Заметалась по комнате, плохо соображая, что делает. На ходу поправляя причёску, кинулась к зеркалу взглянуть на себя. Не успевая одеться на улицу, завернулась в пуховую шаль. Позвала приближённую дворню и опрометью бросилась во двор.

Звон колокольчиков раздавался всё ближе и ближе. Вот через въездные ворота каменной ограды с двумя замковыми башнями показался первый экипаж, и уже целый поезд экипажей огибал цветочную лужайку перед домом. Александра Степановна, дети, приближённая дворня выстроились перед домом. Из первой дорожной берлины легко выпрыгнул долгожданный муж. Александра Степановна рванулась к нему и вдруг увидела, что он ещё кого-то высаживает из экипажа. Прямо перед ней оказалась молодая беременная красавица. Обе женщины застыли друг против друга, и обе, словно сквозь туман, услышали слова, произнесённые Иваном Загряжским с так не вязавшейся с происходящим какой-то странной насмешливой полуулыбкой:

— Александрин, это моя вторая жена Еувфрозиния Ульрика, прости меня, так уж случилось. Фросенька, это моя законная жена Александра Степановна Загряжская.

Женщины никак не могли уразуметь происходящее. Неожиданно Ульрика, лишившись сознания, как подкошенная, упала к ногам своей невольной, но такой же несчастной соперницы. Александра и слуги кинулись к ней. Загряжский, отдав сопровождающим приказание выгружать вещи, а слугам перепрячь лошадей, стремглав взбежал на крыльцо и направился в спальню отца. Он крепко обнял старика, поцеловал и, не ответив на его вопрос: «Надолго ли?», быстро спустился во двор. Ульрику уже внесли в дом. Во дворе остались дети и слуги. Иван

неторопливо подошёл к детям, рассеянно поцеловал каждого и погладил по голове, позволил приближённым слугам приложиться к руке. На крыльцо выбежала Александра и кинулась к нему:

— Иван, что же это? Как ты мог?!

— Сашенька, какого ответы ты ждёшь от меня? Ты ведь всё прекрасно поняла. Виноват перед тобой и детьми бесконечно. Перед ней виноват ещё больше. Она ведь ничего не знала о тебе. Ей деться вообще некуда, и под грудью у неё мой ребёнок, брат или сестра наших детей. Могу только уповать на твою сердечность, христианское великодушие и поручить её твоему доброму уходу. Не проминай лихом.

Александра стояла, молча, глотая слёзы. Загряжский развернулся и пошёл в сторону экипажей. Несколько офицеров переговаривались у берлины, ожидая его.

— Что дальше? — спросил молодой поручик.

— Едем в Москву, в мой дом. Не люблю душераздирающих сцен. Бабье дело, сами разберутся.

И вереница экипажей, залиvisto звеня колокольчиками, резво укатила прочь.

Глава 3

Москва не развеяла хандры Загряжского. Всех московских знакомых он с визитами объехал. Всё как прежде, ничего нового. Даже утехи московские не вызвали в нём никаких положительных откликов. Офицерские пирушки надоели, восторги женщин и их обожание, не вызывали прежних эмоций и желаний. Посетил он и модные аристократические салоны, где кипели споры о политике, искусстве, литературе, велись диспуты на философские темы. Там он надеялся взбодриться новыми идеями и заразиться подлинной увлечённостью дискутирующих, но не нашёл ничего, кроме пустопорожних разговоров и этикета, похожего на театральное представление. Кругом реверансы, чинные поклоны, создающие острое ощущение наигранности.

Одна страсть не отпускала его во второй столице — приступить к организации театральной труппы из своих крепостных в имении Кариан. Она поглотила его целиком настолько, что всё произошедшее в его жизни за последние годы подёрнулось каким-то полупрозрачным покрывалом, и не отзывалось в сердце ничем, кроме удивления: «Неужели это действительно было со мной?»

Времени для пребывания в Москве было мало, его ждали в полку, а Загряжский, если что задумывал, шёл к получению желаемого до победного конца. В последний перед отъездом вечер он собрал у себя в доме офицеров, приехавших с ним, на дружескую пирушку, пригласив самых успешных антрепренёров, находившихся на тот момент в городе. Был приглашён Александр Муромцев, даже известнейший Медокс согласился нанести визит родственнику и другу князя Потёмкина. Поздним вечером состоялись так ожидаемые полковником переговоры.

— Друг мой, — произнёс Медокс, — Вы представляете, на что замахиваетесь? Театр — это святое! Он требует многих вложений, не говоря уже о таланте актёров, составляющих труппу.

— Господин Медокс, — отвечивал Загряжский, — Вы зря видите меня дилетантом, малосведущим в вопросах домашнего театра. Мой батюшка, Александр Артемьевич, с незапамятных для меня времен держит крепостную театральную труппу. Я никогда не начинаю дела, не вникнув в подробности. Я Вам более скажу, я уже прикинул, кто из моих крепостных, обладающих разными талантами, мог бы в неё войти. Мне нужен талантливый руководитель и режиссёр. Не я первый начинаю подобное дело и, думаю, не я последний. Или Вы считаете меня хуже других? Если Вы не хотите мне помочь в этом деле, так и скажите. Я, в любом случае найду тех, кто поддержит меня.

— Мой Бог! — испугался Медокс. — Я ни в коем случае не хотел Вас обидеть! Для меня театр — это дело всей жизни. Если я задел Ваши чувства, Иван Александрович, простите меня великодушно. Я с большим удовольствием и признательностью за доверие ко мне сделаю всё, чтобы помочь Вам.

— Иван Александрович, — встрял антрепренёр Титов, — не принимайте близко к сердцу, господин Медокс ни в коем случае не хотел Вас оскорбить. Извините его излишнюю щепетильность в данном вопросе.

— Господин Загряжский, простите его, простите! — раздалась голоса присутствующих.

— Хорошо-хорошо, господа, — улыбаясь, сказал бригадир, — извинения приняты. Забудем. Перейдём же к делу. Кого вы можете посоветовать мне руководителем моего театра?

— Мы, зная о сути дела, заранее обсудили этот вопрос между собой, — за всех сказал господин Титов, — и хотим представить Вам господина Кожевникова. Не смотрите на то, что он молод, он прекрасно проявил себя в качестве помощника господина Серебрянникова, который уже много лет руководит одной из придворных трупп. Прошу любить и жаловать.

Загряжский и Кожевников раскланялись.

— Более близко Вы можете познакомиться позже, а сейчас я передаю слово господину Кожевникову, — подытожил Титов.

— Господин Загряжский, какой Вы видите свою труппу? — спросил молодой человек.

— Видите ли, в свой последний краткий приезд в Кариан, я так загорелся идеей, что даже, несмотря на занятость в полку, нашёл время, чтобы попробовать своих крепостных в разных ролях, и уже составил некое представление о будущих актёрах. Кроме того, я предполагаю, что в труппе будут танцовщики и танцовщицы. С балетмейстером, сеньором Стеллато, я уже договорился. Труппа будет состоять из тринадцати актёров и девяти актрис. Танцовщиц будет четыре, три танцовщика вместе с балетмейстером. Музыкантов будет двенадцать человек, из них один капельмейстер Перелли. С ним я тоже договорился. Из всех хочу выделить Ивана Вересайцева. Я от него в восторге: прекрасная дикция, красавец собой, благородство в осанке, нет заученных жестов и поз, его игрой правит чувство. Актрисы тоже талантливы и необычайно хороши.

— Да, Иван Александрович, Вы известный ценитель женской красоты, в Вашем вкусе не сомневаемся, — рассмеялся поручик Якорев, поддержанный дружным смехом присутствующих.

— Все актёры будут превосходны! — продолжил Загряжский, весело отсмеявшись со всеми. — У них ещё и голоса великолепные, можно и музыкальные пьесы ставить. Я хотел бы, чтобы Вы приступили к обучению и репетициям как можно скорее, господин Кожевников.

— Я готов отправиться завтра вместе с Вами. Один щепетильный вопрос, Иван Александрович: каково жалованье?

— Вся труппа будет получать жалованья двенадцать тысяч шестьсот рублей. Как будете распределять, решите сами, только меня поставьте в известность.

На том и сошлись, и гости разъехались, довольные хозяином и друг другом.

Глава 4

Душа Загряжского рвалась в Кариан. Его распирало от задуманных планов. На первом месте после армейских будней был, конечно же, музыкальный театр. Он рьяно следил за его созданием, вникал во все детали, замучил дотошными вопросами господина Кожевникова, зачастую сам присутствовал на уроках месье Шанталя и репетициях капельмейстера Перелли. Кроме того, им двигал и личный интерес: талант юной певицы и танцовщицы Наташи зацепил его не на шутку. Да и сама Наташа была чудо, как хороша!

Он знал её совсем ещё ребёнком. Заехав в Кариан на несколько дней с Ульрикой перед поездкой в Ярополец, бригадир увидел юную красавицу, восхитительно похорошевшую за время его отсутствия. Она поразила его своей грацией и дивным голосом. Загряжский загорелся и как мужчина, и как хозяин — обладатель столь редкостного таланта, обещавшего порадовать будущих зрителей и принести Ивану славу первооткрывателя нового дарования, снискав зависть и восхищение среди своих приятелей-театралов. А там, глядишь, слух и до столицы докатится, до окружения императрицы, может быть, и до самой матушки-государыни.

В это время губернатором Тамбова был известнейший поэт, снискавший славу по всей России и, вместе с тем, патриот и истинный гражданин Отечества Гаврила Романович Державин. Как мы уже знаем, Тамбов представлял собой захолустный городок, являвший тоскливое зрелище для любого приезжего человека.

Иван Александрович услышал много лестных слов о новом губернаторе.

Державин снискал расположение, сразу же по назначении умело приступив к преобразованиям в городе. Первым делом он вызвал из Петербурга опытных чиновников, которые должны были помочь ему наладить управление губернией, ведь образованных людей в то время в Тамбове почти не было. Державин сразу же занялся просвещением Тамбовского края, считая это самым важным государственным делом. В Тамбове до приезда Гавриилы Романовича существовали два учебных заведения: духовная семинария, в которой обучались дети священников, и гарнизонная школа для всех остальных детей. Державину показали лачугу, в которой думали открыть училище, и уже два года выплачивали жалование школьнику гарнизонной школы Севастьяну Петрову, как будущему преподавателю. Державин добился открытия четырехклассного народного училища с хорошо составленной программой. Для тамбовского училища был куплен большой просторный дом и выписаны из Петербурга учебные пособия: книги, тетради, прописи, карандаши, даже приборы для опытов; подысканы учителя. Севастьяна Петрова, после проверки его знаний, пришлось зачислить учеником, а не учителем. Державин уделял большое внимание культуре. Он основал в Тамбове типографию, где стала издаваться первая в России губернская газета «Тамбовские известия». Создавая губернскую типографию в Тамбове, Державин хотел популяризировать среди тамбовских жителей лучшие произведения русского классицизма, а также местных тамбовских писателей и переводчиков. При типографии находилась книжная лавка, которая выполняла и роль библиотеки. Книги читателям выдавались за небольшую плату.

Дом Державина стал центром культурной жизни города. Тут устраивались балы и обеды с симфонической музыкой (в городе существовали два прекрасных крепостных оркестра), отмечались праздники. Местная тамбовская молодежь разыгрывала написанные для них Державиным пьесы. Именно от этих вечеров и берет свое начало Тамбовский профессиональный театр. Губернатор, создавая в Тамбове первый народный театр, приобщал тамбовцев к новому для них зрелищу. Под руководством жены губернатора, Екатерины Яковлевны, девушки и юноши из благородных семей разучивали роли, шили и украшали свои костюмы. Спектакли имели такой успех, что через год после приезда Державин приступил к постройке здания для театра. Каждое воскресенье у губернатора бывали танцевальные вечера, по четвергам давались кон-

церы. Чтобы обучить детей из знатных семей танцевальному искусству, два раза в неделю в доме устраивались специальные занятия с танцмейстером.

Своим распоряжением губернатор приказал облегчить невыносимые условия содержания арестантов в тамбовских тюрьмах.

Однажды бригадир столкнулся с известным поэтом и государственным деятелем на одном из городских балов. Загряжский привык к постоянному вниманию окружающих к своей персоне и был чрезвычайно раздосадован, что внимание местного общества направлено явно не на него, а на нового губернатора. После очередной здравицы в честь Державина, Гаврила Романович произнес:

— Господа, это только начало. Через некоторое время вы не узнаете родного города. Я разработал новый план: мы станем прокладывать дороги, наведём мосты через реку Цну, разовьём судоходство, городские улицы будем мостить камнем, начнём ремонтировать ветхие деревянные здания, новые здания будем строить из кирпича, начнём строительство дома для сирот, богадельни для престарелых.

— Да, многие пытались изменить тамбовские будни, — язвительно заметил Загряжский, — поэта только среди них не хватало.

— Вам чем-то досадили поэты? — сдерживая себя, спросил Гаврила Романович.

— О присутствующих не говорим, — с напускной любезностью произнёс Загряжский.

— Полноте, господа, полноте, не будем ссориться, — примирительно встрял в перепалку граф Стависский.

— Боже упаси, — воскликнул Иван, — какие пикирования с любимцем муз, певцом любовных утех, окружённым восхищёнными взорами дам всех возрастов и калибров.

— Вряд ли кто в этом сможет соперничать с некоторыми представителями офицерства, оставившими незабываемый след в увеличении народонаселения матушки-России, — парировал Державин.

Для Загряжского эта болезненная тема была как красная тряпка для быка.

— Вы пожалеете об этом оскорблении чести боевого офицера, — взвился бригадир.

— Помилуйте, о Вас не было произнесено ни слова, — язвительно произнёс теперь уже Державин.

Загряжский, гневно сверкнув глазами, быстро покинул зал, оставив присутствовавших в лёгком недоумении.

На следующий день в полк вернулся Парамон Синица, сияющий от счастья, окрылённый надеждами на обретенную семейную жизнь с обожаемой женщиной. Привёз он с собой и письмо от Ольги с объяснением по поводу сына.

Застал же он Ивана в раздражённом состоянии, срывающимся на каждого по любому поводу. Он доложил о приезде своему командиру. В ответ бригадир сухо приветствовал его, не спросив, как съездил, и Парамону сразу стало понятно, что дружеский разговор с Загряжским совершенно невозможен. Синица вник в ситуацию и с тревогой узнал, что утром подпоручик Федотов был отправлен к Державину в качестве секунданта с целью — вызвать губернатора на дуэль. Сам повод показался Парамону столь незначительным, что он не мог понять такого неслыхаемого упрямства своего командира и друга.

В середине дня к Загряжскому потянулась вереница миротворцев, пытавшихся унять гнев разбушевавшегося бригадира. Все удалились, не добившись хоть какого-либо мало-мальски положительного результата.

Наконец, было решено отправить на беседу с Иваном человека, известного своей мудростью, обладавшего большим даром убеждения и, вообще, снискавшего глубокое уважение в тамбовском обществе, советами которого не пренебрегал и сам Загряжский. Это был местный помещик, в прошлом известный своей славой в дворцовых кругах в качестве дипломата и советника самого светлейшего князя Потёмкина — граф Афанасий Степанович Завадовский.

Графу был уже седьмой десяток лет. Пути Завадовского и Загряжского пересекались неоднократно. Они уважали друг друга за смелость суждений и решительность в поступках, а, кроме того, просто испытывали друг к другу большую симпатию. Именно этот человек в качестве последней надежды и был отправлен к Ивану Александровичу.

Загряжский откровенно обрадовался пришедшему. Седовласый, статный, с располагающим к сердечному общению выражением лица, граф отставил трость, на которую опирался, и опустился на диван. Беседа началась с интересных обоим тем: воспоминаний прошедших лет, рассказов о житье-бытье общих знакомых. Разговорились и о Григории Александровиче Потёмкине, которым оба искренне восхищались. Затем Афанасий Степанович незаметно перевёл разговор на нынешнего губернатора Тамбова и сразу же почувствовал яростное неприятие одного со стороны бригадира.

— Друг мой, а ведь Гаврила Романович очень интересный, талантливый человек, — произнёс граф.

— Так уж и талантливый, — ворчливо ответил Иван Александрович.

— Безусловно, талантливый, — мягко продолжил Завадовский. — Я понимаю, что творчество поэта не обязательно должно нравиться непременно всем, но, в данном случае, его талант неоспорим. А каждый талантливый человек — всегда сложная и неоднозначная личность. Иван Александрович, дорогой, надо ли так расстраиваться из-за какой-то ерунды?

— Это не ерунда, граф. Он оскорбил меня намеренно при всех, я повторяю — намеренно. Я так этого не оставлю. Вы, вероятно, слышали, что я вызвал его на дуэль. Мой вызов он принял, мы будем драться.

— Мой дорогой, Вы знаете, как я к Вам сердечно отношусь, но, поверьте, ситуация получается несколько двусмысленная. Подумайте, он ведь, действительно, не упомянул конкретно Вас. Реагируя так возмущенно, Вы невольно сами утверждаете, что сказанное Гаврилой Романовичем — о Вас. Зачем Вам нужен такой конфуз? Обратите всё в шутку. Переведите стрелки на него. Выйдете из ситуации мудрым победителем.

Загряжский растерянно задумался. Такого оборота дела он не ожидал:

— Как это сделать? Нет, ситуация зашла слишком далеко. Мы будем драться на дуэли.

— Иван Александрович, Вы боевой офицер, гордость российской армии, никто не сомневается в Вашей храбрости. Кроме того, можно ли сравнить Ваше умение владеть оружием и Державина? Кстати, Вы на чём собираетесь драться?

— На шпагах.

— Ну, вот, на шпагах. Да Вы ему сто очков вперёд дадите. Нужна ли Вам слава убийцы лучшего поэта России? Я понимаю Ваш протест, но обществом это, в основном, будет воспринято так. Дорогой мой, пока ещё не поздно, поверните ситуацию вспять. Я ведь вижу, Вы и сами согласны со мной.

— Не скрою, во многом я с Вами согласен, но я этого так не оставлю.

— И не оставляйте, голубчик, не оставляйте, только сделайте это по-умному. А сейчас напишите примирительное письмо, и я его отвезу Гавриле Романовичу.

Загряжский, немного помявшись, написал, что, обдумав спокойно ситуацию, он считает, что слишком погорячился, и принимает объяснение Державина, что тот не имел в виду именно его. Вследствие чего, готов к примирению, и на этом инцидент будет исчерпан.

Завадовский с письмом отбыл к губернатору. Теперь уже Державин, разгорячившись, не хотел пойти на попятную, но тактичный, спокойный и убедительный Афанасий Степанович довёл свою нелёгкую миссию до победного конца. Дуэль была предотвращена.

Но Загряжский, как и говорил, на этом не остановился. В Петербург от бригадира к светлейшему полетели возмущённые депеши. Ситуация в Тамбове обострилась до предела. К депешам Загряжского добавились доносы тамбовских купцов о том, что губернатор превышает свои полномочия. Казалось бы, все тамбовцы должны радоваться, видя положительные изме-

нения в жизни губернии, но довольны были не все. Гаврила Романович неукоснительно соблюдал букву закона. В крае, где до приезда Державина не было даже текстов государственных законов, это было странным явлением. Для жуликов, взяточников, с радостью безнаказанно залезавших в государственную казну, настали трудные времена. В высших кругах тамбовского общества о Державине пошли разговоры, как о человеке подозрительном, а то и опасном: бедных поддерживает, с начальством ссорится. А тут ещё, как нельзя кстати, ситуация с Загряжским. Общество разделилось на «за» и «против». Порой даже члены одного семейства бурно спорили о том, кто прав, а кто нет в этом столь стихийно возникшем противостоянии.

Пришлось вмешаться императрице.

— Гриша, — сказала она, — сделай что-нибудь, чтобы прекратить это безобразие.

— Матушка, — ответил светлейший, — что можно сделать, когда так всё переплелось?

— Ну, убери отсюда Державина. В конце концов, пусть лучше стихи пишет, чем возмущать общественное мнение.

— Он глава города прекрасный, столько, сколько он сделал, ни один градоначальник до него сделать не смог.

— Гришенька, всё понимаю, но спокойствие подданных важнее, поверь. А Гаврила Романович у нас без дел не останется. Мы всегда найдём, где ему силы приложить.

На том и порешили, и деятельность губернатора Гаврилы Романовича Державина в городе Тамбове на этом была завершена. А Загряжский успокоился тем, что не мытьём, так катаньем отомстил посмевавшему ему противостоять человеку. Его девиз — только победа во всём — был подтверждён и в данном случае.

Глава 5

Наконец-то Парамон смог спокойно поговорить с Загряжским.

— Друг мой, — улыбнувшись и обняв поручика, сказал его командир, — даже поговорить по-дружески не дадут. Но я и так с момента твоего приезда вижу сияющие счастьем глаза. Значит, всё легло по сердцу, всё срослось. Рассказывай-ка всё подробно. Как сын мой поживает? Поговорил с ним?

Офицеры присели, и Парамон, не говоря ни слова, протянул Загряжскому письмо от Ольги. Иван сразу почувствовал серьёзность момента, улыбка сошла с его лица. Он принялся читать:

«Иван, долго собиралась тебе написать, но каждый раз не хватало духа. Так всё завертелось в наших жизнях, так всё запуталось: любовь, ревность, досада, страсть, служение Отечеству. Стало невозможно открыться друг другу, рассказать о себе и суметь остаться просто друзьями. Я виновата перед тобой за ложь, но пойми и ты меня, мной двигала досада и желание отомстить тебе, хотя бы и такой ценой. Этого делать было нельзя. Я много раз корила себя, но что сделано, изменить нельзя. Ещё раз прошу у тебя прощения. Видишь, даже и сейчас никак не могу сказать основное. Иван, Сашенька не твой сын. Он Ваш с Александрин племянник, кузен вашим детям.

Так получилось, что моя тайная деятельность на благо Отечества свела меня с удивительным человеком. Я была только в самом начале моего нового служения, в которое окунулась с головой после тяжёлых, почти невыносимых переживаний после разрыва с тобой и смерти новорожденного сына. Да, у меня был сын от тебя, Иван, которого я родила тайно, тяжело и потеряла спустя месяц после рождения. Ко всему этому, смерть отца, спустя два месяца — маменьки. Предложенная мне деятельность была для меня спасением. Без неё я не знаю, как бы перенесла такую череду потерь.

Я погрузилась в дарованное мне Богом служение полностью, не думая ни о чём более. Мне казалось, ни один мужчина не сможет поразить моё воображение после тебя, но то, что произошло нельзя объяснить ничем, кроме милости Божьей. На первом же задании я была отправлена в один из городов вместе с Сергеем Петровичем Ильиным, бывшим гвардейским офицером, по состоянию здоровья после одной из тяжёлых ран сменившего сферу деятельности и продолжавшего служить родине на новом поприще. Несмотря на сложное задание, я не могла не заметить, как деликатно и заботливо было его участие ко мне. Его ум, его весёлый лёгкий нрав, его умение мудро вести порученную работу, его бесстрашие в трудных ситуациях покорили меня. Я и не заметила, как полюбила его всей душой и сердцем. Наши взаимные чувства были замечены. Нам разрешили тайно обвенчаться, и я стала госпожой Ильиной.

Но наше счастье было недолгим. Среди привлечённых к выполнению задания оказался предатель. Чтобы не дать Сергею завладеть нужными документами, он заколол его кинжалом. Меня отозвали в столицу.

Я не лишила себя жизни от горя только потому, что поняла: под сердцем ношу нашего с Сергеем ребёнка. Смысл жизни для меня сосредоточился в этом зародившемся чуде. Князь Потемкин отнёсся ко мне очень заботливо, во время нашей встречи в столице он рассказал мне о матери Сергея. Я узнала, что он написал ей письмо, в котором поведал о нашей с Сергеем любви и супружестве, а также о том, что я ожидаю рождения ребёнка. Имение Агафьи Семёновны Отрадово находилось в Орловской губернии. Князь помог мне с экипажем, и я отправилась к свекрови.

Старушка сердечно встретила меня. Она буквально воспряла духом, ожидая внука от любимого сына, а меня приняла, как родную дочь. Сашенька родился здоровенький, вылитый отец. Через год ко мне обратились с просьбой помочь в одном деликатном и важном деле. Я

оставила сына с бабушкой и няней и продолжила свою деятельность. Ещё через год Агафья Семёновна тихо отошла к Сергею. Я похоронила её, наняла в имение рекомендованного управляющего, а сына с няней и гувернанткой привезла в Петербург. Сама же опять вернулась к своему служению. Вот так мы и встретились с тобой, Иван, в Дерпте и Тамбове.

А сейчас сын подрост, я ему нужна, кроме того, я решила заняться иной деятельностью. Я обосновалась в подаренном государыней имении Олялино. Открыла в имении пансион для девиц благородного сословия. Пригласила учителей и рьяно тружусь на ниве просвещения. В моём пансионе тридцать воспитанниц разных возрастов, обучающихся грамоте, литературе, арифметике, музыке, танцам, шитью и другим наукам. Заодно и Сашеньку имею возможность обучать индивидуально.

Парамон, мой любезный верный друг, а теперь Божьей милостью и любимый супруг доскажет тебе то, чего нет в этом письме. А я желаю тебе добра, хочу остаться тебе другом. Знаю, что скоро вам опять возвращаться на военную стезю. Кто знает, что ещё предстоит? Вы оба отчаянные. Прошу, не бравировать храбростью понапрасну, берегите себя и друг друга.

Прости, коли что не так. Даст Бог, когда-нибудь свидимся.

Остаюсь твоя родственница госпожа Синица».

Загряжский невидящим взором смотрел перед собой и не произносил ни слова. Молчал и Парамон, не желая нарушить такое непростое молчание друга.

— Таки смогла ударить больно, отомстила она мне, — наконец, грустно улыбнувшись, сказал Иван.

— Это не месть, Иван Александрович, — убеждённо произнес Синица, — это откровенность и доверие.

— Эх, Парамон, не знаешь ты женщин, как я, потому и доверяешь им, ну, да Бог ей судья.

— Зря Вы так, несправедливо это. А Ваша Александра Степановна? Разве не золотого сердца женщина?

— Заезжали с Ольгой к ней? — быстро спросил Загряжский.

— Нет, не получилось. Хотели, но не смогли, не успевали, мне надо было возвращаться.

— Ну, вот, значит, деток моих не видел. А с Ольгой как всё сложилось?

— Удивительная она женщина. Увидела, как я по крыльцу поднимаюсь, вышла так спокойно на встречу, руки на плечи положила, сказала: «Ну, вот и дождалась. Ни мгновения не сомневалась, что вместе будем. Только печалилась, что долго не приезжал». Руки за шею закинула и поцеловала так хорошо, нежно, и слёзы из глаз закапали слезинка за слезинкой. А я её к себе прижал и поверить не могу, что всё случилось. Тут Саша, племянник Ваш подошёл. Она оглянулась, за руку его взяла. «Сын мой, Александр, — говорит. — Знакомься, Алекс, это мой друг, Парамон, о котором я тебе рассказывала, такой же смелый и отчаянный, как и твой отец». Такой хороший парнишка, взрослый уже, пятнадцатый год идёт. Мы с ним много потом разговаривали. Такое было чувство, будто младшего брата обрёл. Тоже военным хочет быть, как и отец. Решили мы втроём, что в кадетский корпус в Петербурге учиться он пойдёт, Вы уж поспособствуйте, Иван Александрович.

— Как не порадеть за родственника? — рассмеялся Загряжский. — Хорошее дело задумали, молодцы! Надо бы его с моим Александром познакомить. Пусть два брата вместе учатся, мой-то на год лишь моложе будет. А вдвоём всё веселее. Да и нам обоим за них спокойнее будет. Мы ведь теперь с тобой кумовья, дружище.

Офицеры радостно рассмеялись.

— Ну, ты рассказывай, рассказывай, — заинтересованно произнёс Загряжский.

— А дальше показала мне Ольга своих воспитанниц, с учителями познакомила. Так я порадовался за неё. Она счастливая такая была, радостная. Просто светилась вся от полноты жизни. Я такой красивой её ещё не видел. Собрались мы, сели в экипаж и поехали втроём к моей матушке за благословением, благо моё имение недалеко от Ольгиного. Матушка наш

колокольчик ещё издали услышала, кинулась ко мне на грудь, разволновалась, а уж потом Ольгу с Александром заметила. Сразу обо всём догадалась, недаром говорят: сердце матери вещун, насторожилась, гостей в столовой усадила, а меня вроде как за делом в другую комнату позвала. «Парамошенька, — говорит, — старше ведь она тебя, и сын у нее, какой взрослый, сладится ли у вас?» Я ей в двух словах, о том, как познакомились, рассказал. Вздохнула глубоко: «Не отговорить тебя, по глазам вижу, сердце ты ей отдал. Значит, так тому и быть». Тут сестра с мужем и ребятишками подъехали. Мальчонку дворового за ними посылали. За столом разговорились, вижу, к Ольге у матушки сердце потеплело, да и на Сашу ласково так смотрит. А с Машей Ольга с первой минуты общий язык нашла. Пока я с племянниками разыгрался, матушка вышла и уже с иконой вернулась. Все притихли, взял я мою Оленьку за руку, подошли мы к матушке и на колени встали, она нас иконой благословила, да так и залилась слезами. Ольга с Машей её подхватили, на диван усадили, а она только рукой машет да приговаривает: «Это я от счастья, от счастья, мои дорогие. Вот и дождалась, что Парамошенька женится. Слава тебе, Господи!» Через три дня обвенчались в местной церкви. Немного вместе побыли, а там мне и в дорогу пора. С Ольгой попрощался, она, конечно, виду не подала, что переживает, но я-то по глазам вижу. Александру наказал, чтобы мать слушался и берёг, обещал, что приеду его в кадетский корпус определять. Вот и вся недолга. А в сердце сейчас постоянно так тепло-тепло, будто уголок пустой в нём заполнился, и от этого блаженство по телу разливается. Чувствую я её всем существом, и она меня тоже, не сомневаюсь. А Вы вот, Иван Александрович, так скептически ухмыляетесь, будто я небылицу какую рассказал.

— Да это я от зависти, — подмигнул бригадир, — был когда-то и я такой же молодой, увлекающийся и наивный. Но, нет, ты не такой шалопай. Повезло Ольге, встретила своего принца. Поверь, рад я за Вас от всего сердца!

— Ну, а Ваш-то вояж как прошёл?

— Даже и рассказывать не хочется. Эх, Парамон, так премерзко на сердце было, высказать не могу. Высадил из берлины Ефросинью, они обе сразу всё поняли. Фрося в обморок, моя к ней. Я к отцу зашёл, детей обнял и уехал. Не смотри ты на меня так укоризненно, что я мог в этой ситуации сказать и сделать?

— Да не укоряю я Вас, просто тяжело на душе.

— Вот-вот, и я о том же. Могу, конечно, кулаком в грудь бить и говорить, что я подлец, но ведь и это не так. Была любовь, а может, страсть немыслимая, кто теперь скажет. В таких делах один виноватым не бывает. И лучшего выхода для Фроси найти невозможно, светлейший был прав, когда мне совет давал. Александре только переживания достались, но я в её светлой душе никогда не сомневался. Сердце у неё такое, не сможет она страдающему не помочь. Наградил Бог моих детей такой матерью. Ценю я её и уважаю беспредельно. Только ей от этого не легче. Не это ей от меня нужно. Достался же ей такой муж, как я! А я, Парамон, такой, какой есть, и другим никогда не буду. Вот так-то, мой товарищ по оружию и благоприобретённый родственник! Тоску разогнать надо, да и тебя с женьбой поздравить! Офицеры ждут!

— Они не только ждут, Иван Александрович, они уже и стол накрыли.

— Так что же мы здесь сидим?!

Загряжский с Синицей встали, бригадир дружески хлопнул поручика по спине, и они вместе зашагали на ожидавшую их пирушку.

Глава 6

«Господи, дай сил! Ощущение, что земля уходит из-под ног. Не знаю, за что братья. Мечусь между свёкром и этой несчастной девочкой. После разразившегося скандала свёкор занемог, да так, что казалось, никакая сила не вернёт его в наш бранный мир. Срочно призванный лекарь не сулил ничего обнадеживающего. Боли в сердце, немеющая левая рука, заметное нарушение речи. Одновременно — то приходящая в себя, то теряющая сознание Ефросинья. Бледное, почти бескровное лицо. Когда приходит в себя, не понимает, где она и что с ней, бредит наяву, говорит странные вещи, чудится что-то несусветное. Потом, обессиленная, опять впадает в забытье. Толчки ребёнка в животе почти незаметны. Да жив ли он ещё?! Лекарь никак не может вывести её из этого состояния, опять говорит страшные вещи: то предвещает лишение разума, то кончину от общего истощения. А они оба и вправду исхудали до невероятности, одни впалые щёки да глаза на лице. Еду оба не принимают, разве что в моменты просветления у одной и улучшения у другого девушки из двора, которые постоянно рядом, умудряются влить в рот немного куриного бульона. Вчера приехали два врача, вызванные из столицы, осмотрели обоих и вместе с местным лекарем долго совещались. Не пришли ни к какому выводу. Все трое брали меня за руку, произносили утешающие слова, отводили глаза в сторону, а в результате суть сказанного свелась к тому, что надо ждать. Выдюжит организм — хорошо, не выдюжит — ...После чего столичные светила уехали, лекаря вызвали в соседнюю усадьбу, а я осталась в своём безумном состоянии. Так хотелось пожалеть себя, поплакать навзрыд, повысить в голос о своей незадавшейся женской доле. Днём никак нельзя, все в усадьбе и так смотрят с сочувствием и растерянностью. Сын Саша большой уже, чувствует беду, притих, а спросить не решается, жалеет меня. Видит только, что дедушка любимый заболел, да женщина какая-то с отцом приехала и тоже почему-то слегла. Малышки же Софи и Катенька не понимают ничего, но тревогу общую ощущают, капризничают. Ночью, уткнувшись в подушку, дала волю слезам, выплеснула из себя горе, почти накрик причитала:

— Как же так?! Всю душу ему одному отдала, никого, кроме него в сердце не пустила! За что же он со мной так?! Что я ему сделала?! Ведь когда мне о любви говорил, в глаза мне глядел, не лгал он, нет, не лгал. Как же мог предать и меня, и детей? А эта девушка? Как ей после всего жить?! Ведь, наверняка, и ей в любви клялся, она ему поверила, поверила, что он станет ей и будущим детям опорой в жизни. И в этой ситуации всё и всех бросить, развернуться и уехать, охраняя свой покой, выбросив из сердца двух униженных женщин, думая уже о новых приключениях в своей жизни! Неужели человек, которого я любила, которым гордилась, отец наших детей — подлец?!

Сказала, и аж сердце от ужаса похолодело в груди. Вдруг чувствую, кто-то прикоснулся к плечу! Вскочила от страха, обернулась, вижу, нянюшка Наташа со свечой стоит и ласково на меня смотрит. Я от жалости её ещё пуще прежнего разрыдалась, кинулась ей на грудь, и остановиться не могу. Говорю что-то бессвязное, а она свечу на стол поставила, меня по голове гладит и тихо так успокаивает:

— Ничего, матушка, ничего, всё перемелется, мука будет. Когда мой Вася накануне свадьбы утонул, я тоже думала, кончился мой век. А вот ведь Господь силы дал, пережила беду. Деток твоих нянчила, пока гувернёры не понаехали, да и теперь с ними, когда надо вожусь. Всё отрада. Чую, вскорости опять понадобится.

— Няня Наташа, так ведь тебя не бросали так немилосердно, не обманывал любимый и дорогой человек! Как после такого жить?!

— Милая моя, ты посмотри, сколько всего тебе Господь по милости своей дал: и детки здоровые и ладные растут, и свёкор уважает, и хозяйство большое твоего участия ждёт. Грех

роптать. Ну, а жизнь она всегда печалью да радостями перемежается. Будешь горевать, всё рассыплется, в запустение придёт. Нельзя тебе руки-то опускать.

— А как же с мужем-то быть, ведь не выкинуть из сердца произошедшее, не забыть.

— А ты о хорошем про него думай. Любовь Вас связала? Любовь. Некоторые так всю жизнь её и не дождутся, а Вам Бог дал. Деток вон каких друг с другом прижили, сердце радуется. Он деток любит, всегда о них заботится. Этого от него не отнять. Отчизну-матушку, не щадя живота защищает, а, значит, тебя и деток тоже. Пусть гордятся таким отцом.

— Но ведь другую в сердце пустил.

— Ну, что же? Мужик, он и есть мужик. Что тут поделаешь? Глаза на красоту ему не закрыть. Зашлось сердце, не смог совладать, слабость проявил. Так за то ему перед Богом ответ держать. Ты свою душу, голубка, в чистоте держи. Господь всё видит, он поможет боль перенести.

— А она ведь и впрямь красавица, — сказала я успокаиваясь. — Вначале ревность в сердце кольнула, а теперь чувствую, нет её, ушла, жалость только к ней.

— Это хорошо, милая, душа у тебя светлая. Ей ведь тяжелее, чем тебе. Вокруг тебя детки, всё знакомое, а она тут одна одинёшенька среди незнакомых людей, и податься ей некуда. Куда пойдёт, что скажет? Да ещё дитё под сердцем носит, его дитё, твоим деткам братика или сестричку. Лихо ей сейчас. Ты не бросай её, у неё кроме тебя никого здесь нет, всем она чужая. Только ты её надёжа.

— Няня Наташа, выживет ли она ещё после такого потрясения, да и Александр Артемьевич едва дышит. Что делать?

— Я тебе, матушка, так скажу: лекари лекарями, а лучше знахарки да целительницы бабки Татьяны, никого в наших краях нет.

— Да что ты, няня Наташа, ей уж за восемьдесят, она еле ходит!

— А это тут причём? Дар, он от Бога даден, у него возраста нет. Я у неё уже побывала. Она травки подбирает, да отвары делает. Завтра к тебе приведу. Хуже, чем есть, не будет, а даст Бог, с хворями справится. Ты ей доверься, а сама делами занимайся да за детушками гляди. А сейчас выкинь всё из головы и спать ложись. Утро вечера мудренее.

Няня Наташа укрыла меня одеялом, перекрестила, взяла подсвечник и ушла. Я и не заметила, как уснула, и проспала без сновидений до самого утра.

* * *

С утра, проведав свёкра и заглянув к так и находившейся в полузабытьи Ульрике, горестно повздыхав, занялась накопившимися делами. За нескончаемыми заботами чувство отчаяния притупилось и отступило на второй план.

Сначала дети. Сегодня обязательно наведу на уроки по французскому языку. Понимаю, как это важно: в совершенстве владеть французским. Без него нечего делать и в высшем свете, и в провинциальном обществе. Как быстро всё меняется! Совсем недавно без немецкого никуда, и вот, поди ж ты, теперь уже французский в обиходе. У деток возраст разный: сыночку Сашеньке тринадцать, Софи — семь, младшей Катеньке — шесть. Какие книги им даёт переводить мсье Ксавье? Ведь каждый должен читать в соответствии с возрастом. За наполняемостью домашней библиотеки постоянно слежу. Библиотека в доме старинная, обширная, многие поколения её собирали. Так ведь и образование не стоит на месте. И, конечно, французский французским, но на первом месте непременно духовное образование: чтение Библии, церковных книг, трактатов по церковной истории, сочинений Отцов Церкви и житий святых и мучеников. Сделаю всё, чтобы привить детям сердечную приверженность православной вере. Ведь христианские истины обращают человека к его внутреннему духовному миру, а каждый родитель хочет видеть своего ребенка, прежде всего, хорошим, достойным, нравственным чело-

веком. Библиотека служит мне и кабинетом, в котором разбираюсь с деловыми бумагами. Пойду посмотрю, доставили ли новые издания, которые я заказала: "Детское чтение", "Детское училище", "Детская философия", "Магазин юношеский", "Магазин детский", "Детский друг", новые учебники по азбуке и грамматике французского языка. На обучение детей не скуплюсь, учебники для занятий самые современные, учителям плачу 400–500 рублей в год, стол для них бесплатный, живут в поместье. Учителей отбирала тщательно, советовалась с родственниками и знакомыми, ведь шарлатанов пруд пруди, лишь бы место занять. Но и не ошиблась, все специалисты отменные. Держу двух гувернёров: один следит за здоровьем и внешним видом детей, занимается их воспитанием; другой же наблюдает за учебой, помогает готовить уроки, читает с ним книги и просматривает альбомы. Этот второй и есть мсье Ксавье, француз, который, заодно, и учит своих воспитанников французскому языку. А кроме того, наняла ещё нескольких учителей: учитель-технарь господин Савельев преподаёт математику, а Сашеньке ещё и механику, и военные науки — фортификацию и артиллерию; другой учитель господин Батурин учит русскому языку, словесности, орфографии, чистописанию; еще один учитель господин Сурожский преподаёт рисунок, учит рисовать. А вот освоить азы музыки помогает наш крепостной музыкант Иван, талантлив от Бога, всё пытаюсь тестя уговорить дать ему вольную. Танцы преподаёт также крепостной танцмейстер Алексей, а фехтование всё тот же мсье Ксавье. И, конечно же, рядом с детьми незаменимая нянюшка Наташа, мои глаза и уши. Что бы я без неё делала? Воспитывать детей непросто, характеры разные, подчас упрямятся, не слушаются. Как тут поступать? К советам знакомых прислушиваться невозможно, всяк воспитывает по-своему: в одних семьях детям дают полнейшую свободу, в других прибегают к жестким наказаниям. Я же остановилась на том, чтобы учение не шло во вред здоровью детей. Руководствуюсь "Кратким наставлением о воспитании детей" 1766 года. Книга у меня на столе вся в закладках. Особенно люблю перечитывать одно место, вот и сейчас пришла и сразу в книгу, где написано: "Приводить детей к учению подобно, как в приятное и украшенное цветами поле. Тернии в оном находящиеся раздражают природу, особливо сначала, а сие происходит единственно от неразумения воспитателей. Чтob дети с весельем исполняли свою должность, надлежит стараться всемерно вперить в них любовь к учению так, чтоб оное награждением себе почитали. Сие единое способствует к большему просвещению их разума. Неумеренное учение вредно здоровью. Не должно тревожиться, видя умы не скоро зреющие, а желать надобно, чтоб дети имели только здравый разум и доброе сердце, о чем паче всего прилагать должно старание с самого их младенчества, а также и о том, чтоб они были и крепкого сложения. Не должно бить детей почти никогда, а паче не следовать в жестоких наказаниях безрассудным и свирепым школьным учителям, от сего приходят дети в посрамление и уныние, вселяются в них подлость и мысли рабские, приучаются они лгать, а иногда и к большим обращаются порокам. Всякие побои, кроме того, что чувствительны, по всем физическим правилам, без сомнения, вредны здоровью. Лучший и надежнейший способ наказания, лишать их того, что им всего приятнее, то есть: не пускать их гулять с прочими, стыдить несколько времени, но не долго." Да и граф Строганов недавно мне писал, что императрица того же мнения, и по поводу воспитания внуков говорила: если в детях свобода духа не будет угнетаема наставниками, то от игры к учению приступить будет столь же охотно, как и в игре, и для того их высочеств не принуждать к учению, но представлять им, что учатся ради себя и для своей пользы. На столе напоминание о датах: на неделе везу детей в придворный театр, там два раза в неделю дают французские комедии. У нас своя ложа. На детей выезды в театр оказывают сильное впечатление, даже на малышек Софи и Катеньку. Зато как приятно, что дети, несмотря на свой возраст, хорошо знакомы с произведениями Вольтера, Расина, Корнеля, Буало, охотно цитируют Дидро и Лафонтена. К тому же, сегодня посмотрю очередную репетицию спектакля по басням Лафонтена с участием деток. В скором времени придут гости на домашний спектакль, в котором Сашенька, Катя и Софи заняты наряду с актёрами нашего крепостного театра. Подготовка идёт вовсю, задей-

ствованы учителя музыки, декламации, пения и танца. И здесь опять важную роль играет моя несравненная няня Наташа. Для крепостных актёров и постановщиков этого действия она своя, и детки её любят и слушаются. А мои активные, любознательные, шаловливые и, что греха таить, избалованные чада, далеко не всякого послушают.

* * *

От Ольги Александра вскоре получила письмо. Была несказанно рада её счастью, встала перед образами на колени и со слезами на глазах долго била поклоны, благодаря Господа за милость и любовь. За сестру всегда тяжело переживала, соперничество из-за Ивана не убило сестринской привязанности между ними. Александра была в курсе личных драм и неурядиц Ольги, всегда молила Бога, прося ей и племяннику благополучной и счастливой жизни. Удивилась, как мир бывает тесен. Ведь это же надо?! Муж любимой сестры адъютант Ивана. Бывает же такое! Сестра писала, что очень соскучилась, и собиралась приехать в гости с сыном, а даст Бог, и вместе с мужем Парамоном Синицей. Александра тоже скучала по сестре и была бы несказанно рада её приезду. Посмеялась по-доброму над новой фамилией сестрицы и занялась делами. А дел, как всегда, было невпроворот.

* * *

А вот и няня Наташа, идет к крыльцу с какой-то дряхлой старушкой. Ведёт осторожно, та еле ноги переставляет. С кем это она? Ох, забыла совсем! Это же она со знахаркой Татьяной! Совсем из головы вылетело. Побегу вниз! Надо проводить к моим занедужившим, да и взглянуть, как она их лечить будет.

— Ох, милая, здоровьица тебе желаю, — тяжело дыша, приветствовала Александру бабка Татьяна и, с трудом опустившись на стул, продолжила, — совсем изнемогла ты, барыня, исхудала, почернела, куда красота-то твоя девалась? Нельзя так, милая, побереги себя, на тебе здесь всё держится, деток ещё подымать и подымать. Вот травки настояла, да напарила, испей, полегчает. Сказывай, что тут у вас делается-творится.

— Ох, баба Таня, худо у нас, покинула нас радость-то, одна кручина, одни невзгоды.

— Ну, это ты мне брось матушка, не гневи Бога, Он ведь всё слышит. Не бывает такого, чтобы одни невзгоды-то. Ты что это совсем руки опустила? Не вздумай горю поддаваться. Господь, Он выше сил никогда не даст. Воспрянь душой, вот радость-то и вернётся. Да и я пособию, чем смогу.

— Ох, баба Таня, врачи были, и те ничем помочь не смогли, одна надежда на Бога и на тебя. Ты за свою жизнь долгую стольким помогла. Многие за тебя Господа молят.

— Да что это ты разохалась, ох! Да ох! Прекращай давай. А что до меня, так по-разному люди обо мне судачат, так что ты не подмасливай, сама знаешь. Многие меня ведьмой считают, только это зря они, не ведьма я, а знахарка, ведунья, вещунья, о многом ведаю да про многое вещаю, дух предвиденья и пророчества частенько меня посещает, болести разные целить могу. Глупые меня бояться, а мудрые меня уважают, ну, и всё равно немного бояться. Вон ты тоже меня побаиваешься, я же вижу, — и знахарка по-доброму улыбнулась своим беззубым ртом. Только глаза заискрились по-молодому, будто и не было ей восьмидесяти.

— Баба Таня, да что ты право, люблю я тебя, дай Бог тебе самой здоровья за всё доброе, что ты людям делаешь.

— Да ладно, ладно, милая, так, к слову пришлось. Дай-ка я сначала к свёкру твоему пойду, ему хоть и худо, да он жизнью укреплённый, проще мне с ним будет, а уж потом к девоньке-бедолаге пойду, у ней всё нутро изболелось, душа на ниточке держится, буду лечить молитвами, заговорами и травами. Я теперь их врач. Вот у меня тут хлебное зерно, соль, уголь,

печная глина. Это свёкру, ведите меня к нему. С нечистой силой не вожусь, но как ей противостоять, знаю. Господь всегда помогал и сейчас поможет.

И тяжело ступая по лестнице, баба Таня начала карабкаться на второй этаж. Она всегда обряд исцеления проводила открыто, ни от кого не таилась. Вот и сейчас, подойдя к Александру Артемьевичу, она ласково погладила его по руке, дождалась, когда он медленно и с трудом открыл глаза, сказала несколько добрых слов, повернулась к иконам в красном углу и приступила к своему делу, сотворяя кресты и истово молясь. Заговоры её, которые она давным-давно заучила со слов других «знатков», а также из древних-предревных травников, лечебников, перемежались обращениями к Богу и святым целителям-угодникам. Чем-то поила, что-то давала съесть.

Александра Степановна и няня Наташа смотрели, почти не дыша, атмосфера происходящего захватила их. Более всего они поражались тому, как всегда упрямый и несговорчивый хозяин имения безропотно выполнял всё, что просила его сделать бабка Татьяна. Она закончила, Александр Артемьевич закрыл глаза, и две тяжелые слезы скатились по краям глаз. Знахарка опять ласково погладила его по руке:

— Ты поплачь, поплачь, тяжесть да болезнь со слезами и уйдёт.

Также грузно ступая, баба Таня спустилась по лестнице вниз.

— Передохнуть мне надо, силой наполниться, устала я, — она присела на диван.

— Баба Таня, может чаю тебе или прилечь? — засуетилась Александра.

— Ничего не надо милая, покой только, я посижу немного в тишине одна, больше ничего мне и не надо.

Она прикрыла глаза и откинулась на спинку дивана. Александра Степановна и няня Наташа, неслышно ступая, вышли, закрыв дверь.

— Старенькая совсем, трудно ей, — горестно вздохнув, произнесла Александра.

— Ничего, она без этого не может, это её на земле и держит. Сейчас отдохнёт и продолжит, — сказала няня Наташа.

Не прошло и получаса, как дверь тихонько отворилась и из-за неё появилась бабка Татьяна.

— Ну, родные, готова я. Где ваша страдалица Ефросинья?

Ульрика лежала в нижних покоях. Ведунья вошла, посмотрела на лежащую на кровати без движения мертвенно бледную женщину. Тихо покачала головой и опять повернулась к иконам. Сидящая рядом с постелью крепостная девушка встала и присоединилась к Александре Степановне и няне Наташе. И опять знахарка читала «Отче наш», сотворяла кресты и молитвы. Как зачарованные слушали ее находящиеся в комнате. Одна Ульрика не подавала никаких признаков жизни.

— Красная девица
По бору ходила,
Болезнь говорила,
Травы собирала,
Корни вырывала,
Месяц скрала,
Солнце съела.
Чур, ее, ведунью!

И знахарка травами посыпала всё вокруг.

— Есть трава парамон, растет волосата что черные волосы, растет подле болота, кустиками, а наверху что шапочки, желты. Полезна от нечистого духа, от черные болести, и ту траву даю пить с молоком.

И по капельке ложечкой что-то влила Ульрике в рот.

— Есть трава екумедис, растёт на старых расчистках, собою мохната, листочки мохнатые ж, с одной стороны, ростом в пядь. А кто ест порану и тот человек отнюдь никакой болести не узрит.

И опять по капельке Ульрике ложечкой в рот какую-то жидкость.

— Встану я, раба Божия Ефросинья, поутру, рано, умоюсь я водой ключевой, утрусь Господней пеленой и помолюсь я Спасу-образу, Матушке, Пресвятой Владычице, Пресвятой Богородице. На море, на океяне, на реке Иордане, на камне, алтарь стоит и Матушка Пресвятая Богородица. Возле нее семьдесят семь ангелов, семьдесят семь архангелов, первый ангел — Михаил Архангел, второй ангел — Гавриил Архангел, третий ангел Кузьма и Демьян. Отлетайте вы, глазии, от Ефросиньи, из двери в двери, из ворот в ворота, по мохам, по болотам, к свиным покосам. Аминь, аминь, аминь.

Татьяна взяла кувшин с ключевой водой и поставила перед собой:

— Смоленская Божия Матерь, Калужская Божия Матерь, Царь Давид, Царь Соломон, Царица Соломониha, святой Дмитрий, станьте на поле, сократив и воду, и землю, и пески и болота, сохраните и помилуйте рабу Божию Ефросинью, выгоньте болести из утробы её, из жил её, из костей её, из головы её и дайте рабе Божией Ефросинье доброе здоровье.

Бабка Татьяна подошла с кувшином к Ульрике и щедро омыла ей лицо. Та резко вздохнула, открыла глаза и села в кровати, оглядывая всех непонимающим взглядом.

Татьяна взяла другой кувшин с водой и начала говорить над ним:

— Избави, Господи, рабу Божию Ефросинью от скорби, от ломоты, от тошноты, от испуга, от колотья и от всякой болести.

И опять умыла Ульрику новой водой. Молодая женщина закрыла глаза и, молча, опустилась на подушку, а бабка Татьяна всё произносила свои заговоры и молитвы. Стоящие в комнате потеряли счёт времени, а ведунья всё продолжала и продолжала свои целительные речи и действия. Когда баба Таня закончила, даже те, кто слушал и смотрел, были в изнеможении, что же говорить о старенькой знахарке. Александра и няня Наташа, подхватив её под руки, вывели из комнаты и уложили в гостиной на диван.

Наверное, с час приходила в себя баба Таня, потом её напоили чаем с калачами, душевно побеседовали, и няня Наташа увела её домой.

Ходила так баба Таня в господский дом с неделю. Откуда только силы брались? Но через неделю больным стало заметно лучше. Александр Артемьевич потихоньку начал ходить, Ульрика тоже стала приходить в себя. Пришедшие навещать больных врачи были уверены, что недуг исцелило время, и только сами выздоравливающие и те, кто был рядом с ними всю эту неделю, понимали: Господь благословил Ульрику и Александра Артемьевича исцелением через удивительную народную знахарку бабку Татьяну.

Глава 7

Наконец-то Александр Артемьевич и Александра Степановна познакомились с Ульрикой поближе. Оба отнеслись к молодой женщине очень сердечно. Общее несчастье объединило всех троих, но Ульрика находилась в самом незавидном положении, и её как могли, старались согреть душевным теплом и лаской. Александр Артемьевич, временами сидя в беседке с Ульрикой, рассказывал ей о днях своей былой воинской славы, своих предках и с нетерпением ждал появления внука или внучки. Александра и Ульрика душевно сблизились, родные сёстры не всегда бывают так сердечно привязаны друг к другу, как сошлись наши героини, найдя утешение друг в друге. О виновнике случившейся драмы старались вовсе не упоминать. О том, что происходило в душах женщин, можно было только догадываться.

Особенно любили Александра и Ульрика часы, когда, присев где-нибудь в уголке дивного сада, делились друг с другом рассказами о своих знаменитых родственниках.

Как-то Александра повела Ульрику к часовне на высоком берегу Ламы. То была могила прадеда Ивана Загряжского украинского гетмана Петра Дорошенко.

Под Москвой? Могила украинского гетмана? Как он оказался среди москалей вдали от Днепра и его круч? Ерунда! Не может такого быть! А вот, оказывается, ещё как может!

Интересный был человек Петр Дорофеевич Дорошенко. Личность самобытная. Герой нескольких художественных произведений, о нём слагались народные песни. В XVII веке началась эта история.

1 октября 1653 года Земский Собор слушал о «неправдах Яна Казимера короля польского» и о «челобитье государю в подданство Богдана Хмельницкого и всего Войска Запорожского». Собор принял решение вести войну с Польшей и удовлетворить просьбу украинского гетмана. Созванная годом позже Переяславская рада провозгласила воссоединение Левобережной Украины с Россией.

Пётр Дорофеевич был большой головной болью и для Москвы, и для Варшавы, и для Стамбула. Воюя то с одной, то с другой стороной, он одновременно поддерживал контакты и с донским атаманом Степаном Разиным в его крестьянском восстании 1670 г. Вместе с ним и с кошевым атаманом Запорожской Сечи Иваном Сирко планировал поход на Москву.

Дорошенко называют самым трагичным гетманом Украины. Понимая, что Малороссия должна жить в мире и дружбе с Россией и искренне стремясь к такому объединению, он всю сознательную жизнь воевал с... москалями. Времена в Малороссии были не лучшие. Богдана Хмельницкий, объединил всю Украину и стал в 1654 г. под руку московского царя Алексея Михайловича. После его смерти в «самостийной» начались междоусобные войны и рекой полилась кровь. Украина разделилась на два непримиримых лагеря: Левобережную и Правобережную. И там, и там был свой гетман: левобережный служил московскому царю, за правобережную воевали Турция и Польша.

Стремясь к союзу с Россией, Дорошенко желал быть полным и безраздельным властителем всея Украины, потому выставлял Москве жесткие условия: Малороссия должна быть неделимой; московиты не вправе вмешиваться во внутренние дела Малороссии — ею должен править один гетман (в этой роли он видел, конечно, себя); Украина должна самостоятельно вести свою внешнюю политику.

Принять такие условия русский царь не соглашался. И Дорошенко — в надежде, что Москва испугается, — за помощью обращался к турецкому султану и крымскому хану. Москва такой «гремучей смеси», конечно, боялась, но не испугалась.

После гибели гетмана Левобережной Украины Ивана Брюховецкого перед Дорошенко открывалась прямая дорога до гетманства на обеих сторонах Днепра. Сперва дела у него шли довольно успешно: отбиваясь от поляков с помощью татарских орд, он расширил свое господ-

ство и на левом берегу Днепра, двинул свои войска против московского воеводы Ромодановского. Но неожиданно польская армия широко вторглась в Правобережную Украину. В скором времени Дорошенко уже не мог держаться своими силами даже на правом берегу. И в марте 1669 г. передался под власть турецкого падишаха. По договору, заключенному Дорошенко с султаном Мухамедом IV, эта территория переходила под власть Турции, а гетман обязывался оказывать ей всяческое военное содействие.

Этот документ погубил дело Дорошенко в глазах народа. Весной 1672 г. султан Мухамед IV с громадной армией, подкрепленной крымским ханом и войсками Дорошенко, вторгся в Польшу, принудил к сдаче Каменец-Подольский, жители которого были частью уничтожены, а частью захвачены в рабство, и осадил Львов. Поляки заключили с султаном Бучацкий договор, по которому отказывались от своих претензий на Правобережную Украину. Однако украинское население правого берега Днепра, разоряемое крымскими татарами и турками, стало массово переходить в Левобережье. Цветущий край со дня на день пустел.

Осенью 1676 г. лишившись поддержки казачества (у него оставалось всего около 5000 тысяч сабель), Дорошенко решил больше не проливать христианской крови. Он капитулировал перед русскими войсками, сложил гетманскую булаву, бунчуки, клейноды и принес присягу на верность московскому государю, после чего был отправлен в Москву и стал «невъездным». На родину он уже больше никогда не возвращался.

В 1679 г. Петр Дорофеевич был отослан еще дальше от Украины, где у него по-прежнему оставалось немало сторонников — на Урал, царским воеводой в Вятку. А три года спустя вернулся в Москву и от царицы Софьи Алексеевны за «заслуги перед отечеством» получил крупное село Ярополец под Москвой, 17 окрестных деревень — всего 1000 дворов.

У Петра Дорофеевича была заветная мечта: остаток жизни провести тихо, не вмешиваясь ни в какие бурные военные и политические события. В Яропольце в пятидесятилетнем возрасте он женился уже в третий раз — на девице Агафье Еропкиной. На Украине у него остались две дочери и две жены — одна из них была племянницей Богдана Хмельницкого. (По наследству, видимо, передалась Загряжскому эта родовая черта. Даже возмущаться нельзя. С наследственностью разве поспоришь?!) Умер Петр Дорофеевич в 1698 году.

В Яропольце у гетмана родились трое сыновей: Александр, Алексей и Пётр. Единственная дочь старшего сына Александра Петровича Екатерина Александровна вышла замуж за Александра Артемьевича Загряжского. У них и родился герой нашего романа Иван Александрович Загряжский.

Ульрика с печалью и тоской вспоминала свои детские и юношеские годы, рассказывая Александре о жизни в поместье родителей. Отец Карл Липхардт, как и дед, служил в русской кавалерии. Вышел в отставку в чине ротмистра. Отставной гвардии ротмистр Карл Липхардт, получив наследство, так умело вел свои дела, что уже через год после смерти отца купил в окрестностях Дерпта имение Ратсхоф.

Рачительно ведя хозяйство, используя новинки агрономии и развивая различные промыслы, он добился больших успехов. Как же сумел достичь этого Карл Липхардт, если учесть, что в течение последующих двадцати пяти лет он расширил свои земельные угодья в 14 раз, купил шесть имений, выстроил в имении Ратсхоф великолепный усадебный дом и выдал замуж всех своих дочерей, обеспечив каждую богатым приданым?

Дело в том, что, помимо рационального ведения сельского хозяйства, Карл Липхардт занялся совершенно новым для него делом — винокурением. Технология винокурения была разработана очень разумно и экономно. Это было безотходное производство: получавшиеся отходы использовались для откорма бычков. Таким образом, он стал одним из крупнейших поставщиков водки, и одновременно у него было большое животноводческое хозяйство.

У Карла и Маргареты (урождённой Фитингоф) Липхардтов было десять детей: три мальчика (двое умерли в младенчестве) и семь девочек. Дочери Липхардта славились своей красотой на всю округу. В 1772 году внезапно умерла любимая жена Карла, Маргарет. К тому времени две старшие дочери были уже замужем. На руках у Карла Липхардта осталось пять незамужних дочерей. Он один вырастил девочек. Когда умерла мама, Ульрике было всего 11 лет. Отец был для Ульрики всем. Она его очень любила, несмотря на суровый характер, и бесконечно уважала. Как страдала она сейчас, понимая, что разбила его сердце своим поступком. Разлука с ним и невозможность примирения убивали её. Его любовь и служение своим детям вызывали восхищение. И именно она, самая любимая дочь, нанесла ему незаживающую рану. Ульрика не переставала себя казнить.

Желая отвлечь Ульрику от тягостных дум, Александра рассказывала и рассказывала о своих знаменитых родственниках. Александра Степановна вообще была очень интересной рассказчицей. Образы рисовались такими живыми, что слушающий легко представлял и людей, и картины, описываемые ею. Так увлекла она Ульрику, несмотря на тяжкие и горькие думы, рассказом о графе Александре Сергеевиче Строганове. Замечательная яркая личность, Почётный член Академии Художеств. Он получил великолепное образование за границей, на протяжении двух лет изучал химию, физику, металлургию, посещал фабрики и заводы. Весёлый, приветливый, граф всегда был интересным собеседником. Имея колоссальное богатство, всегда заботился о своих крестьянах. Все его действия всегда отличались благородством. Александра явно гордилась и восхищалась своим родственником.

Иногда, когда здоровье позволяло, к ним присоединялся и Александр Артемьевич, рассказывая свои истории. Наибольшие плоды Загряжским принесло их породнение с семейством Разумовских, о чём с удовольствием поведал генерал-поручик Кирилл Григорьевич Разумовский, брат морганатического супруга императрицы Елизаветы Петровны Алексея Григорьевича, сделал невиданную даже для XVIII века карьеру, уже в юности превратившись из пастушка общественного стада в одного из крупнейших сановников государства: в 16 лет он камер-юнкер, в 18 — обер-камергер, в 22 года — гетман Малороссии. Кирилл Григорьевич родился, в семье реестрового казака Григория Яковлевича Розума. Таково было прозвище отца, любившего говорить о себе: «Гей! Що то за голова, що то за розум!» Обладавший великолепным голосом, средний его сын Алексей был увезен в столицу. Там он получил фамилию Разумовский, обратил на себя особенное внимание Елизаветы Петровны, помогал ей во время дворцового переворота 1740 года, а затем тайно обвенчался с ней, получив графский титул.

Вскоре после вступления на престол Елизаветы Петровны Кирилл Григорьевич был вызван в Петербург, а в марте 1743 года под именем Ивана Ивановича Обидовского отправлен учиться в Европу. Он посетил Германию, Францию, Италию, слушал лекции в Кенигсберге, Берлине, Геттингене, Страсбурге. Среди его профессоров был и знаменитый математик Леонард Эйлер. Кирилл Разумовский изучил несколько языков, в том числе французский, немецкий, латынь. Науки давались ему легко. Он был хорош собою, оригинального ума, очень приятен в общении. Доброта, щедрость, великодушие и природная насмешливость отличали бывшего пастушка. 27 мая 1746 года в восемнадцать лет Кирилл Разумовский был избран президентом Академии наук. Пожалуй, во всемирной истории науки не было столь юных президентов научных учреждений. За время его управления значительную роль в академии стали играть русские ученые, именно при нем выдвинулся М. В. Ломоносов, которому Разумовский оказывал постоянное покровительство. 29 июля 1746 года Кирилл Григорьевич вступил в брак с троюродной сестрой Елизаветы Петровны, Екатериной Ивановной Нарышкиной. Первенцем в семье Кирилла Разумовского была дочь Наталья. В 1772 году она вышла замуж за молодого измайловского офицера Николая Александровича Загряжского, брата Ивана Загряжского, ещё одного сына Александра Артемьевича, о чём хозяин усадьбы с удовольствием рассказывал. Это родство открыло Загряжским путь к карьере и чинам. Правда, с сыном Кирилла Григо-

рьевича, Григорием Кирилловичем, случился один казус — его наследники не были признаны законными в России, поскольку он женился в Австрии, не расторгнув брак с первой женой. (Что тут можно сказать?!)

Нужно ли говорить, что эти «посиделки» очень сблизили обитателей усадьбы Ярополец?

Глава 8

Наступила вторая половина октября. Дивная природа Яропольца окрасилась во все оттенки жёлтого и багряного цветов. От этой невероятной красоты глаз невозможно было отвести. Дожди сдались и отступили. Стояла замечательная прохладная солнечная осень.

Александра едва переводила дух после вчерашнего домашнего спектакля по басням Лафонтена. Играли три басни: «Кот и мышь», «Две козы», «Ворон и лисица». Приехали соседи, помещики близлежащих усадеб. Их детки вместе с Софи, Катей и Сашей принимали участие в постановке. Спектакль прошёл на ура! Родители были в восторге, о детях — и говорить нечего. Волнений была масса. Но играли дети от души, атмосфера была радостная и восторженная. Конечно же, не обошлось и без накладок, ведь играли не профессиональные актёры. Маленькая мышка, крошка Оленька, потеряла туфельку, а та возьми и упавши с импровизированной сцены. Но малышка не растерялась, так и доиграла басню в одном башмачке. А у кота Николеньки в самый неподходящий момент отвалился хвост. Но публика была благодарная, оплошностей не замечала. Зал то и дело взрывался аплодисментами, тут и там слышались крики «браво!». Затем в столовой было чаепитие. Взрослые отдельно, дети отдельно. И наконец, наговорившись и наигравшись, чада с родителями разъехались по домам.

Александра, сидя в столовой, разбирала костюмы и декорации по коробкам. Ей помогали крепостные девушки. Саша, Катя и Софья, ещё не отойдя от вчерашнего возбуждения, бегали по комнате и не столько помогали, сколько мешали. Но Александра не останавливала их, с любовью и нежностью глядя на своих детей.

Свёкор с Ульрикой тоже были на спектакле. Александр Артемьевич собрался с силами и с удовольствием посмотрел на своих внучат на сцене, а Ульрика, представленная гостям родственницей, тихонько сидела в уголке и смотрела с улыбкой, как дети разыгрывали действие. Она полюбила брата и сестёр её будущего ребёнка. Дети, видя расположение маменьки к приехавшей в имение красивой молодой даме, тоже сердечно приняли Ульрику и часто подбегали рассказать свои детские секреты и поделиться новостями. Она была с ними ласкова и добра, и дети привязались к ней всей душой.

* * *

После представления прошла неделя. Укрывшись от всех, Александра, няня Наташа и баба Таня держали в малой гостиной совет, кого звать принимать роды у Ульрики.

— Вы, матушки мои, решайте скорее, — с беспокойством произнесла баба Таня, — у Ефросиньюшки уж живот опустился, не ровен час рожать баба начнёт, а рядом никого, кто «бабить» хорошо может.

— Может, акушерку Антонида позвать. Пусть будет наготове.

— И-и-и, зачем ей «баба-голландка»? Ей деревенская повитуха нужна. Сама-то, барыня, припомни, с кем рожала? То-то.

— Ты, голубушка, прислушайся-прислушайся, баба Таня верно говорит.

— Поприехали в уезд разные специалисты, а рази кто может сравниться с баушкой-повитухой? — разворчалась бабка Таня.

— Ты, баб Тань, не отвлекайся, давай о деле говорить, — пристрожила старушку Александра. — Так кого посоветуешь?

— Тут сурьёзно к делу подходить надоть, — продолжила баба Таня, — того мало, чтоб роды уже принимала. Можно выбрать из вдов, но только пожилую, молодая не подойдёт.

— Почему не подойдёт молодая, баб Тань? — спросила Александра.

— Матушка, тут нужна такая, чтоб уже сама родить не смогла, — ответила за бабу Таню няня Наташа. — Может, Агафью покличем, а?

— Да, ты что?! В своём ли уме, Наташа? Она ж девица престарелая, бездетная. Как она «бабить» будет, коли сама трудов не пытала? При ней и рожать труднее, и дети не всегда в живых будут.

— Так, кого звать-то, баба Таня? — в недоумении спросила Александра.

— Федора, говорят, хорошо «бабит», — предложила няня Наташа.

— Эту вертихвостку, которая от мужа налево и направо бегала?!

— Так то, когда было-то, Татьяна? В её возрасте не до мужиков сейчас, поди?

— Нет, Наташа, баушка должна быть поведения честного во всю жисть, не то дети рождаются уродами, больными и не жильцы долго-то.

— Ну, я не знаю, Акулину, может? — с сомнением произнесла няня Наташа.

— Только не Акульку. Выдумала тоже. Ты что, не знаешь, что она мёртвых обмывает? Сама злющая, глаза у неё чёрные, как два угля горят. Рука у неё тяжёлая, и роды с ней трудные будут.

— Баб Тань, тебя послушать, так и звать к Ефросинье некого, — огорчённо сказала Александра.

— Как это некого? Я разве сказала, что некого? Есть у меня одна повитуха-знахарка, в почёте и доверии сльвёт, делает роды быстрыми, лёгкими. Мужу верная, в летах, сама рожать уже перестала, тоже Татьяной зовут. Её даже на отёл к скотине зовут. Во как! Что разулыбалась, барыня? Лучше такого одобрения в деревне нет.

— И, правда, конечно же, Татьяна! Как я запомнила? — всплеснула руками няня Наташа.

— Ну, Татьяна, так Татьяна, — согласилась Александра, — вы договоритесь с ней заранее.

— Договоримся, — произнесла няня Наташа, — только ты уж, милая, не сказывай никому о нашем уговоре, а то сглазят нашу Ефросиньюшку, порчу наведут. Пусть роды начнутся для всех в тайне.

— Оборони Бог, если кто спознает, что баба родит, замучит ее, ни за что не родит, как должно. Она должна будет лишнее страдать за всякого, кто узнает об этом, и будет мучиться за каждый грех узнавшего, — продолжила баба Таня.

— Не беспокойтесь, мои дорогие, всё сделаю, как надо, — улыбнувшись старушкам, сказала Александра.

Но как ни готовились к данному событию, свершилось всё неожиданно.

Александра с Ульрикой мирно сидели в саду в удобных креслах, принесённых слугами. Был замечательный солнечный день. Александра читала «Жака-фаталиста» Дидро, Ульрика вязала шапочку для ребёнка, изредка поднимая глаза, глядя на буйство осенних красок, и горестно вздыхая.

— Что ты, милая? — заботливо спросила Александра.

— Как-то странно я себя сегодня чувствую, — ответила Ульрика.

— Может, схватки начинаются? — забеспокоилась Саша.

— Похоже на схватки, но какие-то они слабые и беспорядочные.

Александра кликнула слуг и велела позвать няню Наташу. Та прибежала, запыхавшись, узнала, в чём дело, велела натопить баню, отвести в неё Ульрику, а сама побежала за повитухой Татьяной.

Повитуха, бабка Татьяна, выйдя за свои ворота, первым делом стала лицом к востоку и сказала: «Батюшка, восток, бывает на тебе сам Иисус Христос. Благословите меня, рабу грешную, на мир Божий, к рабе Божией Ефросинье Казанская Божия Матерь, Михаил Архангел и все святые Угоднички». А во время пути до бани всю дорогу читала «Богородицу». Так как

самое важное при родах — совершить их, насколько возможно, секретнее, повитуха с няней Наташей, чтобы их никто не заметил, пробирались в баню окольными путями через гумна и огороды.

Баню к этому времени растопили, чтобы распарить и «размягчить» тело роженицы. Ульрику переодели во все чистое и уложили на скамью.

— Помогай, Бог, трудиться, — приветствовала повитуха Татьяна Ульрику, войдя в баню.

Бабка осмотрела роженицу. Как только она прикоснулась к животу Ульрики, плод внутри сразу же отозвался.

— Все благополучно, ребеночек на ходу, только бы воды прошли, а там все пойдет своим чередом, — заключила она.

Для ускорения родов повитуха расстегнула Ульрике ворот, сняла с нее кольца и серьги, развязала все узлы, какие были, распустила волосы, велела отпереть все замки в доме, открыть печи, заслонки, двери, ворота, сундуки и лари, чтобы роды «развязались» скорее и у роженицы свободно открылись все «затворы и запоры», затрудняющие выход ребенка.

Затем Татьяна поставила в голову Ульрике икону Божией Матери и святую воду, окурила и себя, и роженицу росным ладаном, опрыскала крещенской водицей и дала испить её, а перед иконой зажгла восковую свечку.

— Пресвятая Богородица, — молилась повитуха, — отпусти матушку Соломонида, принимавшую Иисуса Христа. Бабушка Соломонида, приложи свои рученьки к рабе Божией Ефросинье. Чистый четверг, великая пятница, честная суббота, святое воскресенье, отблагодарите нас добрыми делами.

Начались схватки, но очень слабые. Татьяна ободряла роженицу, разглаживала ей поясницу с приговором «Расступитесь, растворитесь, косточки!», растирала живот деревянным маслом, но схватки стали затухать. Тогда повитуха дала Ульрике сильнейшее, много раз испытанное средство: настой травы черныбыльника. Схватки возобновились.

Во все продолжение родов бабка постоянно крестилась, клала земные поклоны и утешала роженицу: «Потерпи, моя касатка, потерпи, Бог пошлет, все благополучно будет, все по-доброму идет».

Но всё шло как-то не по-доброму. С начала родов прошло семь часов, отошли воды, Ульрика измучилась, чуть слышно стонала. Александра послала няню Наташу за акушеркой, той самой «бабой-голландкой».

Спустя некоторое время в баню вошла крупная ширококостная женщина-богатырь, акушерка Антонида. В ту секунду, когда у Ульрики начались потуги, она решительно отодвинула повитуху Татьяну и склонилась над роженицей:

— Как у нас дела?

— Я умираю, — чуть слышно прошелестела Ульрика заплетающимся языком.

— Что это она у вас говорит? — сердито спросила акушерка.

Ульрика вскрикнула, приближались очередные потуги. Антонида взглянула на показавшуюся головку плода, и в то же мгновение поняла, что тужится нельзя, головка не встала родничком.

— Нет, милая, нет, мы сейчас тужиться не будем. Послушай меня: как будет очередная потуга, ты будешь вместе со мной дышать носиком. Договорились?

С огромным трудом Ульрика послушно дышала носом вместе с акушеркой, преодолевая потуги. Наконец и потуги тоже прошли, как и схватки.

Повитуха в это время заговаривала воду:

— Стану я, раба Божия Ефросинья благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротми. Выйду я в чистое поле, помолюсь и поклонюсь на восточную сторону. На той восточной стороне стоит престол Господень. На том престоле Господнем сидит Пресвятая Мати Божья Богородица. И помолюсь, и поклонюсь Пресвятой Матери Божьей Богородице:

«Пресвятая Мати Богородица, соходи с престола Господня и бери свои золотые ключи и отпирай у рабы Божьей Ефросиньи мясные ворота, и выпускай младеня на свет и на Божью волю». Во веки веков, аминь.

Трижды произнесла она этот заговор, после чего заговорённой водой облила живот Ульрики.

Александра, которая в слезах стояла и молилась, спросила у Антонида:

— Что делать-то теперь?

— Как что? — ответила та. — Рожать!

Она решительно взяла за руку ничего не понимающую повитуху и поставила к ногам роженицы.

— Значит так, — сказала она, обращаясь к Ульрике, — сейчас мы будем с...ать!

Акушерка потянула обессилевшую женщину вниз лавки и упёрла её ноги в бедра повитухи. Перекрестилась и аккуратно повернула рукой головку плода.

— Сейчас я положу руку тебе под грудь на живот, сосчитаю до трёх и на счёт «три» надавлю на живот, а ты упрись крепко ногами в бедра этой женщины и на счёт «три» одновременно со мной тужься изо всех сил. Поняла?

— Да, — чуть слышно ответила Ульрика.

Антонида опять перекрестилась, сосчитала «раз, два, три» и надавила сверху на живот, но Ульрика слегка запоздала и одновременно не получилось.

— Я же сказала «одновременно», — раздраженно произнесла акушерка. — Ничего, ничего, сейчас всё получится, — сказала она, успокаивая себя и Ульрику.

И опять прозвучало «раз, два, три». Все свои оставшиеся силы вложила Ульрика в эту потугу. Невероятное ощущение, неведомое дотоле, несмотря на третьи уже роды, испытала она. Что-то необычайно ласковое, нежное, восхитительное коснулось её внутренностей, исходя из её тела.

Ребёнок сразу не закричал, пришлось сначала убрать пуповину, которая не сильно, но всё же обвила его шейку. Шлепок — и раздался долгожданный крик. Акушерка поднесла ребёнка к Ульрике, показала, держа в руках, всё в слизи и крови заливающееся криком существо:

— Видишь, кто это?

— Да, девочка, — еле слышно произнесла её мама.

С детским местом проблем не было, оно отошло быстро и безболезненно.

Ульрику так трясло от напряжения, что подбрасывало буквально на несколько сантиметров над лавкой. Она позвала Александру и, чтобы успокоить тряску, попросила держать её за руку, что та и сделала. Другую руку придерживала няня Наташа. Подошла акушерка, «баба-голландка» Антонида. Пот ручьями стекал по её лицу.

— Ты думаешь — это ты родила? — спросила она Ульрику. — Это я родила.

Заканчивался день 22 октября 1785 года.

Глава 9

Александр Артемьевич порадовался родившейся внучке. Стал спокойнее, возможно, мудрее, после всего произошедшего. Силы явно покидали его, но он был приветлив со всеми и старался не докучать никому своими хворями. Когда чувствовал в себе возможность, спускался к внукам и с умилением наблюдал за малышкой и общался со старшими.

Ульрика, приголубливая дочку, внимательно смотрела в её ясные глазки, была печальна и отстранённа от всего, что происходило вокруг. Будто бы и не жила, а существовала какой-то бесплотной тенью. Похудела (хотя, куда ещё больше худеть, и так была само изящество), краски оставили её прекрасное лицо. Временами слабость непреодолимо наваливалась на неё, тогда она лежала без движения в постели, и было непонятно: жива ли или уже оставила этот мир. Дочка была явным отблеском красоты матери и очень походила на неё. Александра быстро после родов организовала крестины, и девочку окрестили Натальей в церкви соседнего уезда. Всю сердечность и заботу Александра отдавала Ульрике и её малышке, понимая безвыходность положения Ульрики и будучи не в силах ей чем-либо помочь. Одно она обещала Ульрике твёрдо — она сделает всё, чтобы уравнивать Наташу в правах с братом и сёстрами. Как? Она пока не знала и сама, но ни секунды не сомневалась, что она это сделает во что бы то ни стало и несмотря ни на что.

Год за заботами минул быстро. Наступил октябрь. Александра готовилась радостно отметить годик от рождения Натальи, её первый день рождения, и была вся в хлопотах. В разгар приготовлений прибежала девушка и сказала, что её кличет свёкор. Александра быстро поднялась в спальню к Александру Артемьевичу.

— Ну, что, Александрин, — сказал тесть слабым голосом, улыбаясь через силу, — поздравляю тебя, генеральша ты теперь, генерал-майорша.

Дрожащими пальцами Александр Артемьевич держал письмо. Он в последнее время очень сдал, в чём только душа держалась.

— От Ивана письмо получили? — сдерживая чувства, спросила Александра.

— Да, дорогая, новое звание он получил за службу на Кавказе, за храбрость. Этим горжусь, — глухо прозвучал ответ.

— Всегда за это его уважала, им гордилась и детей в любви и уважении к отцу воспитываю. Александр по стопам отца хочет пойти. Иван мне написал, в кадетское училище его отдать хочет. Тревожно мне за него, мать ведь, но препятствовать не буду. Славное это поприще для мужчины.

— Умница ты и большой души человек, милая моя. Вот уж наградил Бог Ивана, так наградил. Ты о дне рождения Наташи ему напомнила?

— Конечно, но не уверена в его приезде. Он и к старшим детям не часто в дни рождений приезжает. Вы не переживайте, он же на службе. По себе знаете, что не всегда можно всё бросить и приехать. Не хозяин он сам себе.

Александр Артемьевич взял Сашу за руку и покаянно посмотрел на неё выцветшими стариковскими глазами:

— Ты прости меня, старика, что так сложилось всё с у тебя с моим Иваном. Прости! — и из глаз потекли скупые слёзы.

— Что Вы, Александр Артемьевич, — глядя старика по руке, и тоже, роняя слёзы, проговорила невестка, — не убивайтесь! В жизни всё бывает! А лучшего свёкра, чем Вы, и представить себе трудно. Каждый день за Вас Бога благодарю.

— Умру я скоро, Александрин, — спокойно глядя в окно, проговорил старик.

— Что Вы, в самом деле, Александр Артемьевич? — утирая слёзы, сказала Александра. — Живите да радуйтесь, на внуков глядя!

— Чувствую я, уходить мне скоро. Вот Наташенькин день рождения отпраздную, и пора мне. Всё на тебе останется, но я не беспокоюсь. Ты со всем справишься. И не перечь мне сейчас, все когда-нибудь туда уйдём. Я не боюсь и не беспокоюсь. И ты будь спокойна. Ну, иди, тебя внизу уже заждались. Иди, моя хорошая, а то притомился я что-то.

Александр Артемьевич улыбнулся Саше и прикрыл глаза. Она ещё раз погладила его по руке, тихонечко перекрестила и вышла из комнаты.

День рождения Наташи удался на славу! Было много игр, развлечений. Особенно всё происходящее радовало Софи. Наташа мало, что понимала, но ощущая общую атмосферу праздника, видя радостных брата и сестёр, которые всю развлекали её, смеялась, танцевала, смешно переставляя ещё не крепкие ножки, и радостно хлопала в ладоши. Александр Артемьевич с огромным трудом спустился вниз, посидел немного, ему поднесли Наташу, он погладил её по головке, умильно поцеловал ручки. Она обняла его за шею, пролепетала: «Деда». Счастью старика не было предела. Но больше оставаться он был не в силах и попросил помочь ему подняться наверх, в спальню, что тотчас и сделали. Мама именинницы всё больше стояла у окна, и Александра понимала, что она всё же надеется, что Иван приедет. До глубокого вечера можно было с подъездной аллеи разглядеть лицо Ульрики на фоне портьеры. Загрязский так и не появился.

* * *

На следующий день во время завтрака в столовую, нарушая все приличия, ворвалась сенная девушка Наташа с криками о помощи. Александру Артемьевичу стало плохо. Александра и Ульрика засуетились, Александра распорядилась гувернёрам оставаться с детьми, Наташу передали няне, а сами женщины кинулись наверх в спальню. Саша, Соня и Катя в растерянности остались в столовой.

Александр Артемьевич был совсем плох:

— Видишь, Александрин, правду я тебе сказал: моё время прощаться пришло. Позовите ко мне отца Кирияна, исповедаться да собороваться. Да не медлите, мало мне на этом свете уже отпущено.

— Александр Артемьевич, что у Вас болит. Я сейчас за доктором пошлю.

— Да, Бог с ним с доктором, не нужен он мне. Ты, главное, за батюшкой пошли, это мне нужнее, — задыхаясь, произнёс старик.

Дворовые, стоя за хозяйкой и Ульрикой, сдерживая рыдания, утирали слёзы. За отцом Кирияном и доктором послали одновременно. Пока суть да дело, умирающий протянул руку к Ульрике, та подошла и села на быстро подставленный стул.

— Видишь, доченька, как жизнь обернулась. Ты прости меня за всё, и я тебя, страдальцу, за всё прощаю. Береги себя и береги внучку мою.

У Ульрики всё горе, сдерживаемое внутри, прорвалось наружу, она упала на постель, целуя руку старику, и заплакала навзрыд. Александра осторожно подняла её, прижала к себе и передала девушкам, велев отвести её вниз.

Александра присела на стул, на котором только что сидела Ульрика и взяла свёкра за руку.

— Ах, Александрин, так много хочу сказать тебе слов благодарности и восхищения, да сил нет. Горжусь я тобой, голубушка. Так хочу, чтобы ты Ивана простила, да сладилось у вас с ним опять. Да только Бог в этой ситуации может разобраться.

— Александр Артемьевич, не держу я зла на Ивана, да только не верю я, что ему мое прощение нужно. Он деток любит, ну, и ладно, а в остальном Господь разберется.

— Ну, и хорошо, ну, и ладно. Оставляю я тебя, Александрин, прости мне, старику, всё, а я тебя, голубушку, от всего сердца за всё прощаю и благословляю. Ефросинье помощи, она от

тебя полностью зависит, и Наташу береги, она сестра детям твоим, полюби её, как их любишь. Ну, всё-всё, не плачь!

Александра положила голову на грудь свёкру, плечи её сотрясались. Она подняла заплаканное лицо и поцеловала Александра Артемьевича в лоб.

— Будьте покойны, — утирая слёзы, произнесла она, — со всем справлюсь, всё сделаю, от души Вас прощаю, и с низким поклоном за всё благодарю.

Сообщили о приходе отца Кирьяна. Батюшка вошёл, Александра поцеловала его руку, а он благословил её, перекрестив, и подошёл к Александру Артемьевичу. Все покинули комнату. Мужчины остались одни.

Через некоторое время отец Кирьян спустился вниз.

— Всё хорошо, всё успели, всё сделали, — сказал он Александре.

Вошёл приехавший толстенький доктор с румяными щёчками, скинул слуге верхнюю одежду и в сопровождении Александры пошёл наверх. Александра открыла дверь спальни. Александр Артемьевич лежал на спине, закрыв глаза, с вытянутыми вдоль туловища руками. Лицо его было спокойно и благобно. Доктор стал щупать пульс, посмотрел на Александру. Она поняла всё без слов.

Глава 10

На похороны приехали дети Александра Артемьевича: сын Николай с женой Натальей Кирилловной, дочерью гетмана графа Кирилла Григорьевича Разумовского; сын Борис, генерал-майор, овдовевший четырьмя годами ранее, и до сих пор хранивший память о жене, княжне Екатерине Михайловне, в девичестве Черкасской; дочь Елизавета вместе с мужем бароном Александром Николаевичем Строгановым; дочь Екатерина с мужем, графом Алексеем Владимировичем Салтыковым; сыновья Пётр и Андрей. Приехал и Иван Александрович Загряжский в новой генеральской форме.

Родные Александра Артемьевича любили, уважали, были преисполнены к нему самых глубоких добрых чувств, почтительности и благодарности, поэтому скорбь родственников была абсолютно искренней.

Похоронили его на кладбище Иосифо-Волоцкого монастыря, затем справили поминки в Яропольце, выразили соболезнования Александре, старшим детям, заверили в полной поддержке и помощи во всех непредвиденных обстоятельствах (в чём Александра не сомневалась, семейные узы были крепкими, родственные связи близкими и незыблемыми) и разъехались по домам. Задержался только Иван, сказав, что он уедет на следующий день вечером. Ульрика же всё это время находилась у себя в комнате и гостям не показывалась.

На следующее утро Загряжский сказал, что будет завтракать у себя. После завтрака попросил привести к нему детей в гостиную. Порадовался тому, как изменился и вырос Александр, полюбовался младшими Софи и Катрин, поговорил с ними об их занятиях, Наташу взял на руки, долго смотрел на неё, погладил по головке, поспрашивал о глазках, носике, улыбаясь, поцеловал и отдал няне Наташе. Катя тоже, поцеловав папа, ушла с гувернанткой. Затем поговорил с Софи, велел ей быть маме помощницей, слушаться её во всём, прилежно учиться, подставил ей щёку для поцелуя и, тоже распрощавшись, остался наедине с сыном. О чём шёл этот долгий разговор никто не знал, но только через час Саша с сияющими глазами вылетел из гостиной с криком:

— Мама, мама! Я...

— Иди к себе, — спокойно прервал его отец, — я всё скажу маме сам.

Иван и Александра остались одни.

— Саша, если ты надеешься, что я буду говорить об известной ситуации, то готов тебя огорчить. Этого разговора не будет.

— Я не надеюсь на этот разговор. Я вообще ни на что не надеюсь.

— Это ты зря. Мы по-прежнему семья, у нас дети. Я всегда заботился о них и их будущем. Не изменю этому и сейчас. Пришло время подумать об Александре.

— Что тут думать, Иван, ты же уже всё решил и сообщил мне об этом ранее. Я только жду, когда это произойдёт.

— Ты как всегда рассудительна и мудра, Сашенька, — произнёс Загряжский, — ну, так вот время пришло. Собирай, мать, сына в дорогу. Сегодня вечером мы с ним вместе и поедem.

Александра покачнулась, пелена застлала глаза. Иван бросился к ней.

— Всё хорошо, — отстранилась она, — видно сердце ещё не до конца готово к отъезду сына.

Она кликнула крепостных девушек, и началась предотъездная суматоха. Сашу начали собирать в дорогу.

— Да ты не переживай так, — улыбаясь, произнес Загряжский, — это же всё равно должно было случиться. Да и не один он там будет. Ты что, письма от Ольги не получала?

— Нет.

— Значит, скоро получишь. С братом он в кадетском корпусе в столице учиться будет, с племянником нашим, Александром, Ольгиным сыном. Два Александра на воинский путь вместе ступят.

— А он же когда и как до Петербурга доберётся?

— Так кум твой Парамон за пасынком тоже поехал, завтра мальчишек познакомим и вперёд, к будущим победам! Хватит уже, вечно вы бабы, как курицы, над своими цыплятами квохчете. Мужики они оба, пора от мамкиной юбки отрываться.

— Как у вас, мужчин, всё просто, — горестно вздохнула Александра.

Загряжский рассмеялся и потрепал её за плечо:

— Что же ты меня со званием не поздравляешь, генерал-майорша?

— Поздравляю, конечно, Иван, ты это звание заслужил по праву. Дети тобой гордятся. Наташенька-то ещё не понимает, а старшие точно гордятся. Ты думай о них, люби их, заботься. Они тебя любят.

— Сашенька! — рванулся к ней Загряжский.

— Всё, Иван, всё, не будем больше об этом, — ускользнула от него Александра.

Иван вздохнул.

— А кум-то мой и адъютант Парамон тоже звание следующее получил за службу на Кавказе. Секунд-майор теперь муж твоей сестры. Можешь их обоих поздравить.

— Что ж, непременно поздравлю.

К вечеру суматоха улеглась, вещи были собраны. Готовились попить чаю и отправить путников в дорогу. В столовую спустилась и Ульрика. Загряжский поклонился ей, здороваясь, но не подошёл. Чай пили, молча. Наконец, в экипаж отнесли вещи. Александра благословила сына иконой. Крепилась изо всех сил, не плакала. В последний момент не выдержала, прижала крепко к сердцу, поцеловала в макушечку, перекрестила, и отец с сыном сели в экипаж и отправились в столицу.

Часть 7. «Он был мой дражайший друг...»

*Се ты отважнейший из смертных!
Палящий замыслами ум!
Не шёл ты средь путей известных,
Но проложил их сам — и шум
Оставил по себе в потомки;
Се ты, о чудный воеждь Потёмкин!*

Г. Державин

Глава 1

Впервые в жизни Парамон возвращался домой. Нет, конечно, у него был дом в своём поместье, где жила мать и до замужества — сестра. Но этот дом — совсем другое. Здесь был ЕГО ДОМ, дом, где ждала любимая женщина, его жена, это была обитель ЕГО СЕМЬИ. Как же давно не испытывал служивый этого чувства. Много лет ничего не держало его дома. Сейчас же Парамон, получив долгожданный отпуск, мчал коня к своему счастью. Секунд-майор рисовал себе картины встречи с Ольгой, планировал, как он встретится с пасынком, отвезёт его в Петербург в кадетский корпус и оставит вместе с кузеном Александром Загряжским продолжать суровое обучение защите Отечества, вернётся, и они вместе с Ольгой навестят его родных. Как, наконец, соберутся все вместе и будут веселы и счастливы. Всё будет как в детстве. Не будет с ними только отца и старого друга Фрегата. Отец... Отца Парамон помнил плохо, слишком мал был, когда тот погиб. Пёс же служил ему верой и правдой много лет, и теперь очень его не хватало.

До имения оставалось несколько десятков вёрст. Тепло вспомнил своего друга и командира. Много дорог исходил Синица вместе с Загряжским. Иван Александрович, несмотря на получение нового высокого звания и предложения продолжить службу в тихом кабинете военного ведомства, счёл для себя невозможным оставить своих солдатушек и остался в действующей армии. И вот сейчас они вместе отправились, наконец, в отпуска. Надо будет заехать вместе с женой и в Ярополец. Ольга давно не видела сестру и племянников, конечно, соскучилась, и они будут рады повидаться с ней. Как интересно сложилась жизнь! Парамон с Иваном стали родственниками, будучи женатыми на сёстрах. Кто бы мог это предполагать там, в Дерпте, где судьба свела их, двух вояк, двух храбрецов. Пути Господни, однако, неисповедимы.

Мерный стук копыт, тихий закат, великие русские просторы настраивали путника на лирический лад, давая место мечтам и воспоминаниям. Однако темнота наступала стремительно. В ночи ехать было небезопасно, так как в лесах промышляли лихие люди, а пасть от их засады у Парамона не было никакого желания. Впереди был постоялый двор. Парамон прищпорил коня и через четверть часа уже беседовал с хозяином. Мужчина и его жена оказались милыми приветливыми людьми, с которыми Парамон быстро сговорился на хороших условиях. Хозяйка поспешила на кухню, ведь гостя надо было накормить с дороги.

Парамон решил пока выйти во двор, проверить своего скакуна, дать ему пить, расседлать. Не успели глаза секунд-майора привыкнуть к темноте, как он заметил какую-то тень, метнувшуюся от привязанного коня. Это очень не понравилось Парамону. Он был разведчиком, не первый год служил в армии и в случайности давно не верил. Синица осторожно подошёл к коновязи. Конь заметно нервничал, прижимал к телу хвост и не сразу узнал хозяина. Пара-

мон напоил животное, стал снимать седло и подпругу и здесь понял, что так беспокоило коня: под попоную был подложен целый пук репей, который царапал спину скакуна. Пока наездник не сел в седло, это доставляло некоторые неудобства, но как только репей был бы придавлен седлом, он сразу же впился бы в спину коня и начал её раздирать. Последствия могли быть смертельными для Парамона: животное, обезумевшее от боли, попыталось бы скинуть наездника, а падение с лошади может иметь самые страшные последствия. Сия диверсия несколько удивила офицера: «Кто мог это сделать? Кому это может быть нужно?»

Ночью Парамон спал плохо. Ему не давало покоя произошедшее. Он несколько раз выходил к коню удостовериться, что с тем всё в порядке. То, что кто-то пытался не дать ему доехать до имения, было понятно, но кто и почему? Конечно, по долгу службы секунд-майор бывал в разных передрягах, и у него не могло не быть недоброжелателей, но покушаться на его жизнь здесь?! Кто-то следил за ним от самого расположения полка или случайно встретил уже в пути? Синица решил обсудить это с Ольгой. Чуть свет, расплатившись с гостеприимными хозяевами, Парамон заспешил в имение.

Глава 2

С утра у Ольги всё валилось из рук. Она не могла понять, что происходит. На здоровье, вроде, не жаловалась. В имении всё было поставлено на прочную основу, всё было налажено. Нового управляющего приняла на службу. Из бывших военных, по ранению оставил службу. Дело, вроде, хорошо знает, с дисциплиной знаком. Парамон вернётся — будет доволен.

— Барин, барин приехал! — раздался звонкий девичий крик.

К воротам стала сбегаться дворня. Только в этот момент Ольга почувствовала, как же она соскучилась по любимому. Парамон не был дома около года. Он, конечно, регулярно писал ей трогательные нежные письма, но ей хотелось, чтобы он был рядом, чтобы можно было прижаться, обнять, вдыхать его запах. К сожалению, удел жены офицера — ждать. И она ждала. Печалиться было некогда, заботы о пансионе занимали всё время. Даже до дел имения руки не доходили. И вот, наконец, приехал любимый муж, живой, здоровый! Ольга выбежала во двор:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.